

Евгений СУХОВ

ПОСЛЕДНИЙ В ЧЕРНОМ СПИСКЕ

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Последний в черном списке

«ЭКСМО»

2008

Сухов Е. Е.

Последний в черном списке / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2008

Сын профессора Елизарова погиб в авиакатастрофе. Несколькими днями спустя – поистине беда не приходит одна – четверо подонков насилуют профессорскую дочь. И самое невыносимое, что правосудие оказывается бессильным покарать и нерадивых авиадиспетчеров, и обнаглевших насильников. Тогда профессор начинает вершить свое правосудие, а затем приводит приговор в исполнение... Обвиняемые, вы готовы взглянуть в ледяные глаза мести?

© Сухов Е. Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Сухов

Последний в черном списке

Глава 1

До посадки на самолет, следующий прямым рейсом до Женевы, оставалось не более двадцати минут, но Сергей давно уже мысленно был там, в салоне, на высоте в несколько тысяч метров над землей. Этой поездки он ждал уже полгода, и сейчас, когда ожидание свелось к каким-то жалким минутам, Сергеем овладело самое настоящее нетерпение. Он вожделенно поглядывал в сторону терминала, где уже столпилось несколько особо бойких его товарищей, и вполуха слушал последние наставления отца.

Мать и Валя особо не вмешивались, стоя в стороне и ожидая того момента, когда можно будет чмокнуть на прощание в щеку впервые отправлявшегося в столь далекое путешествие Сергея. А вот отец... Он был похож на захлебывающийся лавой вулкан. Сергея это даже немного веселило.

– ...Как только доберешься, сразу позвони. – Елизаров-старший тяжело опустил руку на плечо сына и слегка склонился к нему, проникновенно заглядывая в голубые и не по-детски серьезные глаза с большими пушистыми ресницами. – Не из автобуса, не уж тем более из гостиницы, а сразу из аэропорта. Чтобы мы не волновались. И следи за вещами, Сережа... Ты знаешь, сколько было случаев...

– Знаю, папа, знаю, – Сергей улыбнулся. – Ты уже раз пять мне рассказывал. Я все отлично запомнил и буду предельно внимателен.

– И еще, как я говорил, не складывай все деньги в одно место, – не унимался отец. – Часть положи в карман, часть разложи по сумкам, часть в сменную одежду... От ребят не отставай. Если возникнут какие-то проблемы или просто вопросы – звони немедленно. Либо я, либо мама обязательно будем на связи. В этом нет ничего постыдного, Сергей...

Мальчик вновь покосился в сторону терминала. Кое-кто из ребят улыбался, и Сергею почему-то показалось, что эта улыбка адресована ему. Как глупо он, наверное, выглядит, стоя рядом с взъерошенным отцом, который и сам не замечает, что его очки косо съехали с переносицы, а в уголках губ появились капельки белой пены. Так было всегда, когда отец чересчур волновался. Но сейчас-то с чего такие безумства? Ведь Сергею уже не семь и не восемь, как было тогда, когда отец впервые отправлял его куда-то без должного родительского присмотра. Тогда такое волнение еще можно было понять. Но сейчас... Сергею уже было тринадцать, и он небезосновательно считал себя взрослым, почти состоявшимся человеком. Он и сам способен все держать под контролем, как отец.

Марина Сергеевна и Валентина подошли ближе.

– Пора.

Елизаров-старший потрепал сына по плечу.

– Ну, счастливого пути, – и отошел в сторону.

Марина Сергеевна склонилась и поцеловала сына. Сергей хоть и смущенно, но все же ответил ей тем же. Валентина только улыбнулась.

– Оттянись на полную, братишка, – посоветовала она. – Кто знает, когда в следующий раз тебе представится такая возможность. Может, и никогда. Так что лови момент...

– Валя! – одернула ее Марина Сергеевна.

Но Сергею уже было не до них. Ловко подняв с пола спортивную сумку, он забросил ее на плечо, затем взял чемодан и, чуть сгибаясь под тяжестью ноши, направился к турникетам. Елизаров смотрел ему вслед. Он всегда чувствовал себя неудобно, когда ему приходилось рас-

ставаться с кем-то из членов его семьи. Он чувствовал себя каким-то беспомощным, словно должен был чем-то помочь близким, но не мог. На душе было беспокойно, но Владислав Всеволодович усилием воли отогнал от себя дурные мысли.

Сергей обернулся всего один раз и взмахнул на прощание рукой. Отец ответил ему тем же. Затем поправил-таки очки на переносице и провел ладонью по густым взъерошенным волосам.

– Успокойся, – Марина Сергеевна уже была рядом и легонько сжала кисть мужа в знак ободрения. – Тебе не кажется, что ты становишься все более и более мнительным?

– Он еще ребенок, Марина...

– Ну какой же он ребенок? Ты вспомни себя в его возрасте. Сам же рассказывал, каким сорвиголовой ты был...

– Сейчас другие времена, – не согласился с ней Елизаров.

– Брось! Времена всегда одинаковые. Отношение к ним разное.

Сергей скрылся из виду, но Елизаров все еще продолжал упорно смотреть в сторону турникетов, мимо которых плотной цепочкой тянулись другие ребята. Кто-то был младше его сына, кто-то чуть старше, но в основной своей массе – ровесники. Рука машинально потянулась к карману, где должны были лежать сигареты, но Елизаров остановил себя. В последнее время он твердо решил свести эту пагубную привычку до минимума.

– Пойдемте? – Валентина встала между родителями.

Елизаров повернул голову. Дочери было уже девятнадцать, но и к ней он, как и к Сергею, по-прежнему относился как к ребенку. Высокая, стройная, полностью оформившаяся, с карими глазами, доставшимися ей от матери, и правильными чертами отца, Валентина выглядела не хуже, чем все эти многочисленные «мисс» на обложках новомодных журналов. Елизаров ласково погладил ее по руке.

– Да, пойдемте, – согласился он.

Все трое направились к выходу из здания аэропорта, но у стеклянных дверей, снабженных фотоэлементом, Владислав Всеволодович еще раз оглянулся на турникеты. Он и самому себе не смог бы объяснить, зачем... почему...

Пошел легкий морозящий дождик, и Елизаров мысленно отметил, что для отправляющихся в дорогу это хорошая примета.

* * *

– Держи голову ровнее, мать твою! – кипятился Тимур, по возможности стараясь встать Андрею за спину.

Придерживаемый с двух сторон товарищами, тот стоял у самой обочины дороги и, сложившись пополам, блевал себе под ноги. Егор не участвовал в процессе. Он стоял возле машины, облокотившись на переднюю раскрытую дверцу, курил и молча наблюдал за происходящим. Солнце уже опустилось за горизонт, и в быстро сгустившихся сумерках он угадывал лишь размытые силуэты приятелей.

– Что за дрянь такую вы мне дали? – с трудом спросил Андрей, принимая вертикальное положение и вытирая губы тыльной стороной ладони.

Он едва стоял на ногах, и Паше все равно приходилось поддерживать его за локоть. Тимур отошел в сторону, достал из кармана зажигалку и посветил колеблющимся огоньком себе на брюки. Критически осмотрел их со всех сторон.

– Кретин ты, Андрюха, – высказался он, кривя губы. – Как был кретином, так им и остался.

– Не в кренизме дело, – не согласился с ним Павел. – Кайфовать тоже с умом надо, а не валить все в одну кучу. Это только со шмарами прокатывает. И то не всегда...

– А чего я валил? – Андрей выдернул руку у Павла, тут же потерял равновесие и обессиленно опустился на траву. – Все, как всегда. Но вино было паршивое. Суррогат... Я сразу так и сказал.

– Нормальное вино. Все пили, а ему паршивое... – Тимур сплюнул себе под ноги.

Убрав зажигалку обратно в карман, он вернулся к машине. Открыл заднюю дверцу, нырнул в салон, а уже через секунду появился вновь с зажатой в руках початой бутылкой. От души приложился к горлышку, сделал затяжной глоток, после чего шумно выпустил воздух из легких.

– Видал?

Андрей не повернулся в его сторону. По большому счету, на действия Тимура вообще никто никак не отреагировал. Егор сверился со своими наручными часами и щелчком большого пальца отшвырнул окурки в сторону.

– Мы едем дальше? Или так и будем любоваться тут содержимым Андрюхиного желудка?

– Сейчас, – объект всеобщего внимания энергично потряс головой. Его длинные огненно-рыжие волосы разметались по плечам. – Дай хоть отдышаться немного.

Павел присел рядом на корточки.

– Запомни, братан. Траву с алкоголем мешать реально. Но толкать в себя еще и ЛСД – чревато вот такими последствиями. Рубишь фишку?

– А траву и ЛСД? – даже в сумерках можно было разглядеть, каким бледным было лицо Андрея.

– Я же мешал, – Паша ударил себя в грудь. – И, как видишь, все в порядке. Более того, я бодр и весел.

– Организм закалять надо, – резюмировал Тимур.

– Поехали, а? – Егор обошел машину и расположился на переднем пассажирском сиденье, которое до случившегося с ним конфуза занимал Андрей. – Время – деньги, пацаны. Скоро светать начнет, а мы так еще и не порезвились по-настоящему. Или все отменяется?

Андрей снова вытер рот ладонью и поднялся. Павел протянул ему руку, но приятель оттолкнул ее. Пошатываясь, как ступающий по палубе моряк, Андрей пошел к машине и кулем упал на заднее сиденье. Тимур разместился рядом. Паша занял место за рулем. «Десятка» призывно заурчала и легко тронулась с места.

– Куда? – Павел нагнулся и утопил в панели кнопку прикуривателя. Сигарета уже торчала у него во рту.

– Возвращаемся в город, – предложил Егор. – Лично я за то, чтобы рвануть сегодня в какой-нибудь ночной клуб...

– Принимается, – поддержал его с заднего сиденья Тимур. – Давненько мы уже пьяных шлюх не пилили.

– Пилить пьяных шлюх – слишком дешево, – покачал головой Егор. – И скучно. Предлагаю бомбануть кого-нибудь.

– Звучит заманчиво. – Паша прикурил сигарету и выставил локоть в раскрытое окно. Свет приборной панели отразился в его глазах, и повернувший голову Егор только сейчас заметил, насколько сильно остекленели глаза его приятеля. И как он только умудряется водить машину в таком состоянии? – У меня уже всю неделю кулаки чешутся. Сгодится любая харя...

– Нас-то хоть пощадишь? – Тимур засмеялся.

Андрей не принимал участия в общем веселье. Откинувшись на спинку сиденья и прикрыв глаза, он старательно прислушивался к тому, что происходило у него внутри. Ехать в ночной клуб или куда-либо еще ему совсем не улыбалось. Сегодня ночью он с куда большим удовольствием растянулся бы дома на диване. Но показывать слабинку перед товарищами не хотелось.

– Ты как, Андрюх? – Егор повернулся к нему лицом. – Поддерживаешь?

– А то! Когда я киксовал? – слова давались ему с трудом.

Дальний свет встречных фар ослепил Павла, он машинально крутанул руль вправо и чертыхнулся. Старенькая «копейка» с седовласым пожилым мужчиной за рулем пронеслась мимо.

– Старый пень! – Павел так неожиданно ударил по тормозам, что Егор едва не впечатался головой в лобовое стекло. Тимур ухватился обеими руками за спинки впереди стоящих кресел. – Ну откуда столько козлов развелось на дорогах! Включи ближний и езжай себе!.. Баран!.. Нет! Таких учить надо. Согласны?

– Мы-то согласны, – хмыкнул Тимур. – Только из тебя учитель хреновый.

– Да? Сейчас посмотрим!

«Десятка» лихо развернулась прямо на проезжей части и, набирая скорость, устремилась в обратном направлении. Ветер со свистом врывался в раскрытые окна, но Павел все так же уверенно держал ногу на педали акселератора, вдавливая ее в пол.

«Копейку» нагнали минут за десять, хотя и у той была весьма приличная скорость.

– Пристегните ремни, братва! – скомандовал парень.

Вместо этого Егор только уперся в приборную панель руками и ногами. Голова Андрея оказалась рядом с головой Тимура. Все трое внимательно наблюдали за действиями Павла и ждали, чем закончатся его показательные выступления.

Передний бампер «десятки» со скрежетом врезался в зад «копейки». Затем Павел ударил по тормозам. Жертва полетела вперед, закрутилась волчком и остановилась, только повиснув одним задним колесом на обочине дороги.

– А теперь кулаки почешем.

С этими словами Павел первым выбрался из салона. За ним последовали Егор и Тимур. Последним на свежий воздух вылез Андрей, но, почувствовав, как к горлу подкатывает очередная приступ тошноты, к «копейке» за приятелями он не пошел, а остался стоять рядом с их автомобилем.

Павел резко дернул на себя водительскую дверцу, и к его ногам вывалился тот самый седой мужик с окровавленным лицом. Брякнувшись на асфальт, он так и остался лежать в этой позе без признаков жизни.

– Окоchureлся, что ли, Шумахер? – в голосе Тимура не было ничего, кроме презрения.

Павел поддел мужика носком ботинка под ребра, и тот перевернулся на спину. С губ его сорвался едва различимый на слух стон. Грудь медленно вздымалась и опускалась, но дыхание было редким и тяжелым.

– Живой. В отключке просто, – Павел еще раз ударил жертву ногой. – Эх, козел! Такое шоу испортил! Тряпка!

– Да это не он козел, а ты, – понимая, что ничего интересного он тут больше не увидит, Егор развернулся и медленно пошел обратно к «десятке». – Правильно сказал Тимур. Хреновый из тебя учитель. Он ведь даже и не понял, за что его наказали.

– Ну и черт с ним! – Павел махнул рукой. – Потом поймет. В следующий раз...

– Если живой останется, – внес коррективы в его рассуждения Тимур. – Может, «Скорую» вызвать? Ну, типа, по-человечески.

– Обойдется! – Павел уже двинулся вслед за Егором, но, заметив замешательство Тимура, остановился и обернулся через плечо: – Чего ты там завис?

– Так оставлять нельзя.

– В смысле?

– Машина, – Тимур кивком головы указал на покореженную «копейку». – Я слышал, есть какая-то экспертиза, где по стукнутой тачке можно вычислить ту, которая ее стукнула. Надо от его колымаги избавиться...

– Спать предлагаешь? – глаза Павла азартно заблестели.

– Да ты с ума сошел? – для пушей убедительности Тимур покрутил пальцем у виска. – На кой черт нам такой геморрой? Ментов привлекать фейерверком? Отгоним ее подальше, и в воду. Езжай, Паш, а я за вами.

И уже без лишних колебаний Тимур забрался в салон «копейки». Павел только пожал плечами.

– Сможешь меня обставить? – предложил он.

– Тебя-то? С закрытыми глазами!

– Замазали!

И он бегом устремился к «десятке». Егор и Андрей уже ждали его в салоне.

* * *

Легкий морозящий дождик вскоре перешел в серьезный затяжной ливень. Тучи сгустились, и небо стало похоже на низкий свинцовый купол.

– Счастливого вам полета. – Лерайский снял с головы наушники, откинулся на спинку кресла и лениво перевел взгляд за окно. – Да, не самая удачная погодка. Смотри, как зарядил, Дэн!

– И, как назло, в нашу смену, – недовольно и даже с некоторой долей агрессии откликнулся второй диспетчер, опускаясь на соседнее место и ставя перед собой чашку дымящегося чая. – Почему такое невезение, Влад? Я уже раз третий или четвертый подряд дежурю в дождь...

– И что? – Лерайский нагнулся вперед, шелкнул одним из тумблеров на пульте, и картинка на экране монитора слегка увеличилась. – Я тоже не раз дежурил в такую погоду. Обычное дело. У нас-то какие проблемы? Принимай сообщения, координируй... Если что – докладывай выше. Это вон пусть пилоты парятся. У них ответственность.

Красная точка на экране, обозначавшая только что ушедший со взлетной полосы лайнер Москва – Женева, медленно и поступательно двигалась вверх, то вспыхивая чуть ярче, то превращаясь в едва заметное блеклое пятнышко. Помимо него на экране перед Лерайским находились еще три аналогичные точки, но все они располагались на периферии экрана.

– Там почти одни дети...

– Что? – Кулемин уже успел выключиться из разговора.

Вместе с чашкой чая он придвинул к себе газету и сосредоточил все свое внимание на расположенном в левом нижнем углу наполовину разгаданном кроссворде.

– Какие дети?

– Вылетели этим рейсом, – короткий толстый палец Лерайского с обгрызленным ногтем ткнулся в пульсирующую точку. – Медалисты, награжденные путевкой в Швейцарию. Целый месяц будут развлекаться в Женеве на зависть тем, кто учился хуже.

Кулемин усмехнулся:

– Да брось ты, Влад! Тебе тридцать с лишним лет, а ты все в сказки веришь. Какие там медалисты? Наверняка полетели те дети, чьи родители больше денег заплатили. У нас всегда так, – он сделал обжигающий глоток чая, а затем простуженно шмыгнул носом. – Вон у меня малец пятый класс окончил без единой четверки, и никто его ничем не премировал...

– Так это пятый. Он же не медалист у тебя. Вот когда будет...

– Тогда и посмотрим, – философски заключил Кулемин, но в его голосе по-прежнему были заметны агрессивные нотки. – Продолжим? – он постучал кончиком карандаша по кроссворду.

– Давай, – охотно согласился Лерайский.

На самом деле Владислав только старался выглядеть беспечным. С самого утра его одновременно подтачивали аж два червя. Первый зародился после последнего разговора с бывшей

супругой и ее нынешним сожителем. Уладить вопрос с квартирой полюбовно, как всегда, не получилось. Все закончилось скандалом. Благо дело, что еще Виталий, новый Ларискин муж, человек не особо конфликтный и не такой вспыльчивый, как сам Владислав. Второй червь заключался в непреодолимом желании выпить. Лерайский и сам понимал, что стал все чаще и чаще закладывать лишнего за воротник, но поделаться с собой ничего не мог. Он не прикасался к алкоголю уже двое суток, и теперь душу словно невидимыми тисками выворачивало наизнанку. Лерайский поклялся самому себе, что после окончания сегодняшней смены он обязательно зайдет в какой-нибудь бар и пропустит стопку-другую. А может, не дожидаться конца смены? Кто заметит? Дэн? Вряд ли. Этот эгоист целиком и полностью сосредоточен исключительно на самом себе... Одну стопочку. Ничего не изменится, а его самого отпустит наверняка. Эти чертовы проблемы сами собой уйдут на второй план. Перестанут так волновать его.

– Кому принадлежит фраза: «Понять – значит простить»? – прочел очередной вопрос из кроссворда Кулемин и по привычке сунул в рот карандаш. – Ты как с философией, Влад? На «ты»?

Лерайский не сразу понял, о чем толкует его напарник. Облизав пересохшие губы, он повернулся к Кулемину и свел брови над переносицей.

– Я не думаю, что это имеет какое-то отношение к философии, – изрек он. – Скорее всего, фраза принадлежит кому-то из классиков. Я читал...

– Ну и?..

– А буквы есть?

– Целых семь. – Кулемин перевел взгляд за окно, где продолжал хлестать ливень, зябко поежился и потянулся за чашкой чая. Сделал шумный глоток. – Третья «к», шестая «и». Если отгадаем, будем знать первую букву в «место на Волге, где снималась одна из ключевых сцен „Жестокое романса“».

– А что это за вопрос? – лениво откликнулся Лерайский.

Он вновь щелкнул тумблером на пульте, и изображение на экране сменилось. Теперь красная пульсирующая точка пассажирского лайнера находилась точно по центру монитора. Еще каких-то полтора часа, и самолет вырвется из зоны их координирования. Дальше в дело вступят диспетчеры соседних регионов, а им с Дэном предстоят три часа относительного затишья до того, как радары зафиксируют приближение чартерного рейса из Владивостока. Если, конечно, проклятая погода ничего не изменит.

– Я тебе его только что озвучил, – раздраженно бросил Кулемин. – Не спи на посту, Влад. С тобой все в порядке?

– Я-то как раз не сплю, – Лерайский потер рукой шею. Желание выпить нарастало с каждой секундой. – Я слежу за мониторами, а вот ты...

– А чего за ними следить? Чисто же все. Так ты знаешь имя классика или кого там, кто сказал...

– Достал ты меня со своим классиком! Что там за второй вопрос, Дэн?

Кулемин тяжело вздохнул и склонился над кроссвордом.

– Место на Волге, где снималась одна из ключевых сцен «Жестокое романса», – еще раз прочел он.

– Буквы?

– Никаких. То есть всего их четыре, но...

– Плес, – выдал ответ Лерайский.

– Че это такое?

– Это место такое, неуч.

– А ты откуда знаешь?

– Путешествовал по Золотому кольцу. С женой. Года четыре назад. – И без того блеклые и невыразительные глаза Лерайского подернулись дымкой грусти. Желание выпить стало

совсем непреодолимым. Он сглотнул. – Там была экскурсия на Плесе, и нам рассказывали... Я запомнил.

– Ну, молоток! – похвалил напарника Кулемин. Изменений в лице Владислава он даже не заметил. Карандашом он быстро занес в сетку четыре буквы и прищурился. – Так... И что у нас теперь получается? В фамилии автора изречения появилась еще одна буква. Пятая. «П»...

Кулемин почесал в затылке, пытаясь сосредоточиться. Лерайский напряженно смотрел на экран монитора. По его мнению, лайнер Москва – Женева двигался как-то уж слишком медленно. Словно ползущая по стволу дерева улитка. Лерайский скрежетнул зубами. Всего одну стопочку... Одну, но как она сейчас нужна.

– Слушай, а это не Шекспир ли часом? – высказал предположение Кулемин, прищелкивая языком от неожиданно пронзившей его догадки. – Это не он сказал? Влад?

– Да, он, – рассеянно ответил Лерайский. – Слушай, Дэн, последи-ка пару минут за монитором. Мне в толчок надо. Прихватило что-то...

Кулемин оторвал глаза от кроссворда.

– Чего ты жрал сегодня?

– Не помню. Так ты посмотришь?

– Без проблем.

Поднимаясь с кресла, Лерайский вдруг заметил, как сильно у него дрожат руки. Он поспешил сунуть их в карманы брюк и быстрым шагом направился к выходу из дежурки. Мысленно он уже представил себе предстоящий маршрут. Спуститься вниз, пересечь зал ожидания и нырнуть в кафетерий. Зина уже отлично его знала. Лишних вопросов не последует, да и трепаться она не будет. Он примет сто грамм и тут же вернется обратно. Совсем другим человеком...

Хлопнула дверь, Кулемин бросил на монитор лишь беглый взгляд, убедился, что все в порядке, и вновь вернулся к кроссворду. Свободной от карандаша рукой он подхватил со столика чашку чая и приблизил ее к губам. Отпил. Следующий вопрос, который привлек его внимание, звучал так: «Синоним слова „Правосудие“». Кулемин провел карандашом по клеткам и насчитал их аж тринадцать штук. Призадумался. Барабанивший по стеклам дежурки дождь не давал возможности сосредоточиться. Высокий лоб Дениса Кулемина прорезала длинная продольная морщина. Правосудие... Правосудие...

На пульте заморгала красная лампочка вызова, но Кулемин не сразу обратил на нее внимание. Вновь почесал карандашом в затылке и вскинул глаза к потолку. Характерный писк сигнала тревоги привлек его внимание. Денис даже подпрыгнул в кресле и с испугом уставился на пульт. Лампочка вызова мигала как сумасшедшая.

– Какого черта?..

Кулемин потянулся к лежащим рядом с креслом Лерайского наушникам, локтем задел чашку, и содержимое выплеснулось на пульт. Кулемин витиевато выругался. Наушники упали на пол. Лампочка продолжала мигать в унисон тревожному попискиванию.

– Ну, началось! Кому так неймется?

Кулемин нагнулся, поднял с пола наушники и одной рукой нацепил их на голову.

– Диспетчер слушает...

– Вы что там, уснули, что ли, мудаки?! – раздался резкий гортанный голос.

– А кто это говорит? – Кулемин буквально задохнулся от накатившей на него волны гнева.

– Диспетчерская база военно-воздушных сил, – представился невидимый собеседник, и интонации его голоса не стали при этом мягче или доброжелательнее. – Полковник Рокотов. Мы потеряли связь с самолетом. По нашим расчетам, он должен двигаться в вашем направлении. У вас что, радар не работает?

– Работает...

Кулемин только сейчас поднял глаза на расположенный перед ним экран и остолбенел. Лицо его моментально залилось мертвенной бледностью. Глаза невольно полезли из орбит. Пульсирующая точка стартовавшего полчаса назад лайнера двигалась в заданном направлении, а навстречу ей шла еще одна, которой прежде не было, да и быть тут не должно. Она тоже пульсировала, но в отличие от лайнера не красным, а ярко-зеленым цветом. И скорость у этой точки была гораздо выше. С каждой секундой зеленая точка подходила все ближе и ближе к красной. Кулемин почувствовал, как на лбу у него выступают крупные капли холодного пота, но, как ни старался, заставить себя пошевелиться он не мог. Он даже не сразу понял, что его невидимый оппонент продолжает орать в наушник и большая часть его слов – нецензурная брань.

– Ты там пьяный, что ли, сука?! Я кого спрашиваю?!

– Да... Я... Я вижу самолет... – Кулемин не узнал собственного голоса.

В ответ прозвучал отборный поток брани, и лишь после этого военный диспетчер выпалил:

– Да что мне толку от того, что ты его видишь, раздолбай ты эдакий? Ты слышал, что я тебе сказал? Это военный самолет. Он сбился с курса, и мы утратили с ним связь. Вы можете связаться с ним?

– Я не... Я не знаю. Попробуем... Но он... Он идет лоб в лоб с пассажирским лайнером... В одном коридоре. Установление связи займет время, а скорость вашего самолета настолько высока, что...

– Я знаю, какая у него скорость, – гнев собеседника смешался с волнением. – Но ты же диспетчер, мудила! Или нет? Свяжись сначала со своим лайнером и скажи, чтобы он немедленно сместился в соседний коридор. Убери его, мать твою! Потом установи связь с военным самолетом и посади его.

– Я не успею...

Кулемин наконец вышел из ступора. Подавшись вперед, он первым делом увеличил картинку на экране и, используя мониторинговую сетку, прикинул расстояние от пассажирского лайнера до военного самолета. Результаты его не сильно порадовали. Он потянулся к пульту управления. Капли пролитого чая скатились с панели и упали ему на брюки.

– Ты что там, один?! – гаркнул голос в наушниках.

– Нет, мы... То есть сейчас я один. Да.

– Вызови лайнер...

– Да отвяжись ты! – Кулемин переключил сначала один тумблер на пульте, затем другой, и голос в наушнике исчез. Вместо него появился оглушающий треск. Денис понизил микшер и поспешно скороговоркой заговорил: – Борт семьсот сорок три! Борт семьсот сорок три! Вас вызывает аэропорт. Повторяю. Борт семьсот сорок три!..

– В чем дело?

Чья-то рука легла Кулемину на плечо, и он подпрыгнул в кресле от неожиданности. Резко повернул голову. Это был Лерайский. Он не смотрел на напарника. Его взгляд был устремлен на экран монитора с увеличенным изображением.

– Что это за хрень, Дэн?!

– Военный самолет! – Кулемин повел носом и поморщился. – Черт! Ты бухать ходил, что ли?

– Какое это сейчас имеет значение? – Чувство свободы от накопившихся проблем, еще секунду назад поселившееся в душе Лерайского, улетучилось как по мановению волшебной палочки. Он тяжело плюхнулся в соседнее кресло и машинально скинул пиджак. – Откуда взялся военный самолет?

– Черти занесли, – огрызнулся Кулемин и снова предпринял попытку установить связь с пассажирским лайнером. – Борт семьсот сорок три! Борт семьсот сорок три!.. Почему нет связи, Влад? Одни шумы...

Лерайский защелкал тумблерами на пульте, то и дело бросая тревожные взгляды на экран монитора.

– Откуда эта моча? – он нервно потер пальцы. – Ты ссал на пульт, что ли?

– Я пролил чай...

– Придурок!

– Случайно. Когда зазвучала тревога...

– Дай мне наушники! – Лерайский почти сорвал их с головы напарника и нацепил себе на макушку. – Увеличь изображение... Аэропорт вызывает борт семьсот сорок три! Отзовитесь!..

Ответом ему послужил точно такой же треск, какой слышал Кулемин. Изображение на экране увеличилось, и у Лерайского буквально отпала челюсть. Расстояние между лайнером и стремительно несущимся в его направлении военным самолетом было уже критическим. Даже если им удастся связаться хотя бы с одним из экипажей прямо сейчас, избежать столкновения будет крайне трудно.

– Борт семьсот сорок три!..

Лерайский сбросил наушники на плечи и в отчаянии стукнул кулаком по пульту управления. Вспыхнула еще одна лампочка, а писк перешел в непрекращающийся протяжный вой. Кулемин схватился руками за голову и запустил пальцы в густую шевелюру. Он чувствовал, как к горлу подкатывает предательский комок. Пот катился по его лицу, застилая глаза.

– Дети-медалисты... – сорвалось с уст Лерайского.

– Что? – Кулемин не повернулся в его сторону.

Оба как замороженные смотрели на экран монитора. Зеленая точка вплотную приблизилась к красной, затем они слились в единое целое, последовала небольшая вспышка, и обе точки исчезли. Последняя капля чая сорвалась с края пульта и, ударившись о ботинок Кулемина, с брызгами разлетелась в стороны. Лерайский шумно выдохнул.

– Они ведь не... погибли? – Кулемин и сам не понимал, зачем он задал этот вопрос. – Да, Влад?

– Погибли. Все... Мы погибли, Дэн... Мне надо выпить. Тебе принести?

Лерайский поднялся на ноги. Голова шла кругом, и, чтобы не потерять равновесие, он ухватился за плечо сидящего в кресле напарника. Кулемин не отрывал взгляда от монитора.

* * *

Приглушенная музыка, источник которой Егору так и не удалось установить, сколько он ни крутил головой, не только не мешала их разговору, но, напротив, по мнению молодого человека, только способствовала ему. Валентина была сегодня неподражаема. Разгоняя рукой сигаретный дым, Егор не мог оторвать глаз от ее лица, от обнаженных из-за большого декольте плеч, от высокой вздымающейся в такт дыханию груди. Егор прекрасно видел, какие вожденные взгляды бросают другие мужчины на его спутницу. А когда Валентина улыбалась... Ее губы не просто манили, они завораживали.

– А здесь уютно, – она откинула волосы со лба, взяла в руки высокий бокал с грейпфрутовым соком и сделала небольшой глоток. – Ты, наверное, тут часто бываешь? А, Егор?

Это было откровенной провокацией. Он склонился вперед и загасил сигарету в пепельнице. Затем накрыл ее руку своей.

– Зачем ты так говоришь, котенок? Ты же прекрасно знаешь, что я нигде никогда не бываю без тебя. Все то время, которое мы проводим порознь, я посвящаю мыслям о тебе.

– Болтун...

Однако по ее глазам Егор отлично видел, насколько на девушку подействовал этот нехитрый ход. Валентине было приятно. Официантка остановилась возле их столика, и молодому человеку вынужденно пришлось отпустить руку девушки. На столе появились заказанные блюда. Валентина тут же придвинула к себе салат и потянулась за вилкой. Егор взял рюмку с коньяком.

– За тебя! – предложил он незатейливый тост, когда официантка оставила их.

Валентина чокнулась грейпфрутовым соком, и они оба выпили. После этого она уже без излишних проволочек приступила к трапезе. Егор не торопился. Его мысли были направлены совсем в иное русло.

– Как дела у тебя в институте? – задал он вполне нейтральный вопрос. – Что нового произошло за последнюю неделю?

– Да ничего особенного, – Валентина поморщилась. – Не считая того, что Коломенчук опять клеился ко мне.

– Как? – Егор заметно напрягся.

О профессоре с кафедры философии и культурологии, читающем на потоке у Валентины лекции, он уже был немало наслышан еще с прошлого года. И о том, как этот старый пень беззастенчиво подбивал клинья к его девушке. Впрочем, если верить словам Валентины, Коломенчук подбивал клинья не только к ней, а ко всем подряд, но взаимоотношения профессора с другими студентками Егора волновали мало.

– Схватил меня после лекции за руку и долго слюняво рассказывал о том, как потрясающе я выгляжу. Он, дескать, большой ценитель женской красоты, и эта его сущность не позволила ему остаться равнодушным...

Валентина рассказывала о происшедшем со смехом, но Егор даже не улыбался. Он явственно представил себе всю эту картину, и ничего, кроме чувства негодования, она в нем не вызвала. Мысленно Егор пообещал себе непременно поквитаться с профессором Коломенчуком при случае. Для него и его друзей это будет лишним развлечением, а заодно принесет и некоторую пользу. В следующий раз профессор хорошенько подумает, прежде чем распускать руки и слюни.

– Ну а ты что?

– А что я? – Валентина пожала плечами. – Постояла, послушала, головой для приличия покивала, вроде как сочувствую ему, и ушла. Не могла же я послать его куда подальше. Он все-таки мой преподаватель.

– Посылать не обязательно. – Егор с интересом наблюдал за тем, как ловко и в то же время изящно его девушка орудует вилкой. Без сомнений, в ней были дворянские корни. – Но и слушать всю эту ахинею, а уж тем более позволять ему держать тебя за руку – тоже не следовало. Ты просто не умеешь общаться с такими типами, Валюша. И знаешь почему?

– Догадываюсь. Не начинай, Егор...

К этой теме они возвращались при каждой их встрече, но еще ни разу Егор так и не сумел изменить ситуацию так, как ему это было нужно. Он и Валентина встречались уже почти полгода, но при этом между ними так и не было физической близости. Девушка колебалась, но каждый раз неизменно находила предлог, благодаря которому вопрос снимался с повестки и откладывался на неопределенный срок. Девственность продолжала свято храниться. Егор мирился с ситуацией, но с каждым днем это становилось все труднее. Для него секс не был чем-то необычным.

– Почему не начинать? – молодой человек, воспользовавшись моментом, ринулся в очередную атаку на неприступный бастион. – Поверь, проблема только в этом. Ты сама убедишься в этом, когда... Все твоё мировоззрение изменится.

Она опустила глаза, и Егор заметил, как девичье лицо залилось пунцовой краской. Рука с вилкой повисла в воздухе. Он не дал ей времени на контраргументы. Решил дожать. Сейчас. Немедленно.

– Валя... – Егор подался вперед, и его взгляд, наполненный теплотой и лаской, буквально проник в глаза сидящей напротив девушки. – Валечка. Я люблю тебя и, как мне кажется, уже не раз доказал тебе глубину и искренность своих чувств. Мы вместе и... будем вместе всегда. Не понимаю, что тебя удерживает. Что тебя останавливает. Неужели для того, чтобы ты поверила в мои чистые намерения, я должен сначала попросить руки у твоих родителей? Если так, то я готов...

– Дело не в этом, Егор...

– А в чем? – Он опять взял ее за руку и нежно провел пальцами по тыльной стороне ладони. Валентина ответила ему. – Только в твоём страхе? В нерешительности? Так это не проблема, котенок. Поедем ко мне? Прямо сейчас?

Валентина покачала головой, и Егор выпустил ее руку. В его глазах появилось недовольство, но он поспешно отвел взгляд, чтобы девушка ничего не смогла заметить.

– Я люблю тебя, Егор, – убежденно заговорила она после недолгой паузы. – И я доверяю тебе. Просто... Просто я не готова. Все еще не готова. Понимаешь? А сегодня... Сегодня тем более не получится. Я обещала родителям вернуться домой до полуночи...

– Они тебя все еще контролируют?

– Нет. Сегодня у них особенный день... Вернее, ночь. Сережка улетел в Женеву, и они волнуются. Ну, знаешь, как это бывает?.. Родители... Я обязана их поддержать. Хотя бы до того момента, как он прилетит на место и отзвонится, что у него все в порядке.

– Я понимаю, – лицо Егора озарилось надеждой. – Тогда завтра?

Немалое значение в этой ситуации имело и мнение друзей. Они уже были много наслышаны о его отношениях с Валентиной, и Егор, стиснув зубы, терпел с их стороны постоянные насмешки. Ни один парень не возился с девушкой так долго, подводя ее к постели. А если все так и закончится полным фиаско? Да тогда пацаны его вообще на смех поднимут, как чучело огородное.

Валентина ответила не сразу. Думала, колебалась. Вопрос был поставлен ребром, и на него нужно было что-то отвечать.

– Может быть, – негромко произнесла она.

– Почему «может быть»? Давай завтра, Валюша. Ты сама поймешь...

– Егор, не дави на меня.

– Хорошо. Не буду.

Он так и не притронулся к еде. Горячее остыло, а салат выглядел подсохшим. Но Егора это не волновало. Он вставил в рот сигарету и прикурил. Несколько минут молодые люди сидели в полном молчании.

– Потанцуем? – предложил он, гася сигарету.

Валентина охотно согласилась. Ту неловкость, которая повисла между ними, нужно было чем-то сглаживать. И в этой неловкости, как ни крути, повинны были оба. Поднявшись из-за столика, они вышли в центр зала, где в медленном танце кружились три пары. Егор обнял Валентину за талию и привлек к себе. Она опустила руки ему на плечи. Он с наслаждением вдыхал чарующий аромат ее волос, мысленно прикидывая, как будет раздевать ее, гладить ее обнаженное тело... И тогда конец насмешкам! Конец неопределенности! Егору не нравилось быть в разряде побежденных. Он был совсем из другой породы. Из породы победителей.

Одна медленная композиция сменилась другой, все три пары вернулись на свои места, а Егор с Валентиной остались. Он прижал ее к себе еще плотнее, повернул голову и нашел губами ее губы. Поцелуй получился продолжительным, и от нахлынувших эмоций у Валентины закружилась голова.

– Я люблю тебя, – прошептала она, переведя дыхание.

– Я тоже люблю тебя, – в унисон ответил Егор. – И я буду любить тебя всегда. Как говорится, пока смерть не разлучит нас.

Она шутливо ударила его по плечу.

– Какой же ты еще мальчишка!

– Я хочу тебя, – он снова поцеловал ее в губы, на этот раз легким мимолетным касанием. – Но если тебе нужно еще время, чтобы понять, как ты относишься ко мне, я готов ждать вечно.

– Мне не нужно времени, – музыка звучала громко, и Валентине приходилось почти вплотную приближать губы к его уху. – Я и так уже знаю, как отношусь к тебе.

– Так все-таки завтра? – он улыбнулся. – Подумай об этом. Мы поедем ко мне, я возьму шампанского, зажжем свечи. Все будет очень романтично. Я ведь понимаю, какое это для тебя событие. А сейчас или через месяц...

– Хорошо, – Валентина сдалась. То ли это музыка так подействовала на нее, то ли обаяния Егора. Но в ней вдруг созрела решимость. – Ты прав. Пусть будет завтра. Во сколько?

Он не мог поверить своим ушам. Неужели?

– Вечером. Часиков в семь. Годится? Я за тобой заеду.

Она не ответила, но Егор расценил ее молчание как согласие. Больше к этой теме в этот вечер они не возвращались. Музыка смолкла, и молодые люди вернулись за свой столик. Егор почувствовал, как к нему неожиданно вернулся аппетит.

* * *

Елизаров не находил себе места. Расхаживая по комнате из угла в угол, он то и дело бросал тревожные взгляды на телефонный аппарат, примостившийся на краешке столика. Но тот упорно молчал.

Елизаров посмотрел на часы. По его расчетам, самолет уже должен был приземлиться в Женеве. Или он что-то напутал?.. Жутко хотелось курить, но Владислав Всеволодович сдержал себя. Он и так превысил установленную норму за сегодняшний вечер. В пачке осталось меньше десяти сигарет. Следовательно, нужно потерпеть.

У него зародилось подозрение, что телефон может элементарно не работать. Елизаров подошел к аппарату, снял трубку и поднес ее к уху. Длинный гудок. Все в порядке. Трубка вернулась на прежнее место. Елизаров несколько секунд постоял возле столика, а затем вновь принялся мерить шагами комнату.

Марина и Валя уже легли, но Елизаров готов был поспорить, что жена тоже еще не спит. Ждет, как и он. А дочь... Она вела себя как обычно. Хотя когда вернулась домой после вечерней прогулки, Елизарову показалось, что с ней что-то не так. В Валином взгляде появилась какая-то озабоченность, губы плотно поджаты, прячет глаза. Он слишком хорошо знал дочь, чтобы понять – с нею что-то не так. Что-то ее гложет. Но с этим вопросом он решил разобраться завтра. Сейчас его мысли были заняты совсем другим. Ну почему не звонит Сережа?..

Елизаров пристроил-таки во рту очередную сигарету, но прикуривать ее не стал. Методично перекачивал по нижней губе, ощущая запах свежего табака. Сел в кресло. Рука машинально потянулась к пульту дистанционного управления, и Елизаров включил телевизор.

На одном из каналов шел голливудский фильм, где герой-одиночка мужественно противостоял крупной террористической организации, кося врагов отечества направо и налево. Примитивный сюжет фильма не мог увлечь Елизарова. Тем более в его нынешнем состоянии. На другом канале вяло текла какая-то примитивная передача, где двое мужчин в помятых костюмах обсуждали нынешнюю политику на Ближнем Востоке. Елизаров щелкнул кнопкой на пульте. Затем еще раз и еще... Ничего стоящего. Ничего, что могло бы его отвлечь от тревожных мыслей. Он вернулся к фильму. Почему же он не звонит?.. Неприкуренная сигарета

перекатывалась из одного уголка рта в другой. Часы на стене мерно, но неумолимо отсчитывали бег времени...

Голливудский герой на экране точным выстрелом из винчестера снес полголовы одному из особо ретивых террористов, когда фильм неожиданно прервали для экстренного выпуска новостей.

– Добрый вечер. В студии Анна Богатырева, и мы прерываем программу для экстренного выпуска новостей, – лицо у дикторши с длинными пепельно-русыми волосами было печальным и даже, как показалось Елизарову, слегка изможденным. – Только что нам стало известно об очередном трагическом событии. Вчера в двадцать три часа сорок минут над Подмосковьем потерпел крушение пассажирский лайнер, следующий рейсом Москва – Женева. По предварительным данным, причина этой трагедии заключается в столкновении пассажирского лайнера со сбившимся из-за разыгравшейся непогоды с курса военным самолетом...

Елизаров дернулся, как от пощечины. В горле перехватило дыхание, а в груди в области сердца он ощутил резкий леденящий прострел, заставивший мужчину инстинктивно рвануть ворот рубашки. Перед глазами все поплыло. Дальнейшие слова диктора Елизаров даже и не слышал. Чисто автоматически фиксировались и возникшие через несколько минут на экране кадры репортажа с места крушения.

– ...Количество жертв подсчитывается, но, согласно уже имеющимся к этому моменту данным, число погибших не менее двухсот человек. Большинство из них дети, отправившиеся...

Елизаров закрыл глаза. Никаких сомнений в том, что именно на этом самолете летел Сережа, у него не было. И причина, по которой он не позвонил, становилась совершенно очевидной...

Трясущимися руками Владислав Всеволодович прикурил сигарету. Экстренный выпуск новостей завершился, и на экране снова возник голливудский герой-одиночка.

Глава 2

Барков вызвал к себе в кабинет только двоих. Полковника Стреженкова и майора Губицкого. Оба оперативника заняли места в креслах напротив генеральского стола и выжидательно уставились на шефа. Барков не спешил начинать этот нелегкий разговор. Предавать самого себя и подчиненных – не самая лучшая из его служебных обязанностей. Но сейчас выбора не было.

Барков отложил в сторону карандаш, который вот уже несколько минут он нервно и старательно крутил между пальцев, откашлялся и покосился на скромно сидящего в дальнем углу кабинета мужчину с густой шевелюрой и такими же роскошными седыми усами. Мужчина был в штатском, но по его осанке, посадке головы и манере держаться несложно было угадать в нем человека военного. Стреженков и Губицкий не могли не заметить присутствия постороннего в генеральском кабинете, вопросов задавать не стали. Ни одному из них это просто не пришло в голову. Надо – значит, надо. Баркову виднее.

– Анатолий Сергеевич, это полковник Стреженков и майор Губицкий, о которых я вам уже рассказывал, – Барков представил своих подчиненных седовласому незнакомцу, большая часть лица которого находилась в тени. – Они как раз и занимаются тем делом, которое... – генерал не закончил фразу, посмотрел на оперативников и сухо добавил, представляя им визитера: – А это генерал ВВС Анатолий Сергеевич Глушко.

Сотрудники ФСБ коротко переглянулись, и Стреженков кивнул. Какие-либо еще пояснения в данном случае были просто излишни. Обоим оперативникам и так стало понятным, что означает эта встреча. Дело, которое у них находилось в разработке, было связано с недавним крушением пассажирского лайнера. И если к ним пожаловал генерал ВВС, то это так или иначе связано с произошедшей катастрофой.

Барков помолчал, словно желая закрепить произведенный его последними словами эффект, и продолжил:

– Вам известно, что пассажирский лайнер разбился не просто так. Конечно, тут был и недосмотр со стороны диспетчеров аэропорта. Не помню, как их фамилии... Но основная причина катастрофы – столкновение лайнера с военным самолетом, случайно оказавшимся...

– Позвольте мне самому объяснить, – подал голос Глушко.

Он пригладил рукой волосы, поднялся со стула, на котором сидел, и приблизился к расположившимся в креслах оперативникам. Остановился у них за спинами и уперся руками в подголовники кресел. Ни Стреженков, ни Губицкий теперь не могли его видеть, а поворачиваться к генералу ВВС лицом было как-то не с руки. Барков негромко хмыкнул, по достоинству оценив этот нехитрый психологический прием.

– Наш самолет, который столкнулся с пассажирским, – Глушко говорил негромко и проникновенно. Его голос словно обволакивал. – Он... Как бы это сказать?.. Не совсем обычный, что ли. Экспериментальная модель, разработанная в рамках программы национальной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации. Им управлял всего один пилот, и, честно говоря, мы были готовы к неудаче. Первый блин комом, как говорится. К тому же роковую роль в случившемся сыграла непогода. Мы потеряли контакт с пилотом, когда он сбился с курса, и в итоге... Черт возьми, вы и так знаете, что произошло в итоге! Жертвы... Много человеческих жертв.

– Да, мы об этом знаем, – сдержанно откликнулся Стреженков, все так же не поворачивая головы.

– И оставлять этот вопиющий факт без внимания мы, конечно же, не имеем права, – как ни в чем не бывало, с прежними интонациями продолжил Глушко. – Однако... – он выдержал

демонстративную паузу, – разработки экспериментальной модели самолета, о которой я вам говорил, были сверхсекретными...

Глушко вышел из-за спин оперативников и, оказавшись к ним лицом, протянул им обоим неизвестно откуда взявшиеся листы бумаги.

– Ознакомьтесь, – сухо предложил он.

Губицкий первым взял в руки документ. Его примеру, немного поколебавшись, последовал и Стреженков. Барков при этом, как отметили оба оперативника, демонстративно смотрел на стоящую прямо перед ним фотографию в золоченой рамке, где, как было известно каждому сотруднику ведомства, было изображение его дражайшей супруги. Генерал словно отгородился невидимой стеной от всего, что происходило в его личном кабинете.

Пока Стреженков и Губицкий читали, Глушко стоял, заложив руки за спину, и легонько покачивался на носках туфель.

– И что? – Стреженков нахмурился.

Из прочитанного ему и так в принципе уже все стало предельно ясно, но хотелось, чтобы предложение Глушко было все-таки озвучено вслух. Как можно небрежнее полковник передал военному документ обратно и скрестил руки на груди. Губицкий задумчиво потер пальцами переносицу. В области желудка появилось какое-то неприятное урчание. Такие симптомы частенько появлялись у него на нервной почве.

– Никакого военного самолета в деле не должно фигурировать, – Глушко изобразил на лице скупую улыбку.

– Не получится, – Стреженков покачал головой.

Его слова заставили собеседника удивленно вскинуть брови, а Барков при этом оторвался от созерцания фотографии и поднял глаза. Губицкий покосился на напарника. Журчание в желудке усилилось.

– То есть как это не получится? – у военного генерала задержалось веко.

– Ты что такое говоришь, Алексей? – подал голос Барков.

– Присутствие военного самолета уже озвучено, – неохотно пояснил Стреженков, отступая и от этого чувствуя неприязнь в первую очередь по отношению к самому себе. – Эта тема муссировалась в прессе. Мы не можем сейчас просто взять и сделать вид, что никакого военного самолета и в помине не было. Общественность разорвет нас. Вы хотите грандиозного скандала?

– Нет, скандал нам не нужен, – Глушко оценил жалкие потуги полковника, но тон его уже не был столь доброжелательным, как в самом начале беседы. – Но к любой проблеме можно подойти грамотно. Я не сказал, что мы должны совсем забыть про самолет. Нужно только закрыть начатое расследование и представить дело так, что вины военных в случившемся не было. Все самолеты, как пассажирский, так и наш, военный, шли заданным курсом. И никакого столкновения не было бы, если... Если бы не вина двух дежуривших в ту ночь в аэропорту диспетчеров. Как там их фамилии?..

– Кулемин и Лерайский, – автоматически подсказал Барков, не преминув щегольнуть перед военным генералом своей феноменальной памятью.

– Вот на них все и спишем, – подытожил Глушко. – И заметьте, я даже не выступаю за то, чтоб отдать этих ребят под суд. Хотя, по сути дела, они действительно были виноваты. Насколько мне известно, один из них был в нетрезвом состоянии, а второй занимался неизвестно чем на рабочем месте. То ли пасьянс раскладывал, то ли кроссворд разгадывал, то ли еще что... Достаточно будет их просто уволить, ну и, естественно, слегка припугнуть судом, чтобы не распускали язык. А пресса... Пресса замолчит. Этот вопрос возьмут на себя совсем другие люди. Но сначала вы должны закрыть дело.

Глушко замолчал и выжидательно уставился на сидящих в креслах оперативников, переводя взгляд с одного лица на другое. Стреженков встал.

– Нам тоже рекомендуется держать язык за зубами? – он постарался придать своему голосу вызывающие интонации, но получилось у него это не очень естественно.

Глушко не успел ответить. Вместо него в дискуссию вновь вмешался Барков.

– Это необходимо, Алексей. Пойми, – веско сказал генерал.

Спорить не имело смысла. Зная Баркова не первый день, Стреженков прекрасно понимал, что все уже решено и тема закрыта. Их с Губицким просто ставили перед фактом. Но ставили вежливо... Как говорится, и на том спасибо.

– Хорошо, – полковник кивнул. – Дело будет закрыто. Сегодня же.

Все, что он мог сделать, молча протестуя против подобного положения вещей, так это, не прощаясь, развернуться и покинуть генеральский кабинет. Что Стреженков и сделал. В таком же гробовом молчании за ним последовал и Губицкий. Барков тяжело вздохнул. Лицо Глушко вновь приняло бесстрастное выражение. Он остался доволен исходом переговоров. Впрочем, на другой исход генерал ВВС и не рассчитывал.

* * *

Весь день Елизаров не мог заставить себя выйти из дома. Все, на что он оказался способен, так это метаться по квартире из угла в угол и в буквальном смысле рвать на голове волосы. К обеду подскочило кровяное давление, но Владислав ограничился лишь приемом одной таблетки.

Марина плакала, лежа на диване и уткнувшись лицом в подушку. Елизаров не разговаривал с женой. Да и о чем тут можно говорить?..

Валентина ушла. Куда, Елизаров не знал, да сейчас его это и не сильно интересовало.

На журнальном столике, стоящем впритык с сервантом, располагалась черно-белая фотография Сергея. Время от времени взгляд Елизарова останавливался на снимке, и он машинально отмечал, какое беззаботное и счастливое лицо у сына было в тот день. Фотография была сделана в день рождения Сергея, когда ему исполнилось одиннадцать. Владислав отлично помнил этот день. Собралось много гостей: родственники, друзья Сергея, было несколько человек и из университета, коллеги Елизарова-старшего. Сергей много смеялся...

И вот теперь... Сережи не стало. Елизаров отвечал на телефонные звонки, кто-то заходил к ним домой лично. И все выражали искренние соболезнования. Но что могли эти соболезнования изменить? Что они значили сейчас?

Телевизор все время оставался включенным. Елизаров рассеянно следил за новостями. В душе еще теплилась какая-то абсурдная надежда на то, что, может быть, в этой нелепой катастрофе погибли не все. И вдруг окажется, что среди случайно выживших будет и Сережа... Но надежды на чудо таяли с каждым сообщением с места трагедии в Подмоскovie. Репортеры мусолили одну и ту же тему, только в слегка измененных вариантах. Каждый кадр болью отзывался в сердце Владислава...

Елизаров отслеживал новости еще и потому, что хотел знать, как и почему все-таки произошла трагедия. Хотелось знать, кто же виноват, на чьих плечах лежит ответственность за произошедшее.

– Ты не принесешь мне водички, Владик?

Голос жены, сдавленный рыданиями, прозвучал откуда-то издалека. Елизаров обернулся. Она уже не лежала, а сидела на диване с красными от слез глазами. Волосы Марины растрепались. В руках она нервно комкала основательно пропитанный слезами носовой платок. Елизарову показалось, что жена за последние сутки постарела лет на пятнадцать. Впрочем, и он сам, вероятно, выглядел ничуть не лучше.

– Да, конечно.

Елизаров прошел в кухню, взял с полочки чистую чашку и налил в нее воду из фигурного графина. Вспомнилось, что в дни, которые Сережа проводил дома, Марина в этот графин наливала холодный компот. Персиковый. Такой, какой и любил сын. В очередной раз за сегодняшний день в горле у Владислава встал ком. Хотелось, подобно жене, заплакать, разрыдаться в голос. Но Елизаров не умел плакать. Слез никогда не было, даже в детстве.

Вернувшись в гостиную, он подошел к жене и протянул ей чашку с водой. Она принялась жадно пить, продолжая при этом всхлипывать. Елизаров стоял рядом и молча наблюдал за ней.

– Как теперь жить, Владик? – Марина вернула ему пустую чашку. Голос все такой же тихий и безликий.

– Не знаю, – честно ответил Елизаров. – Но как-то надо, Марина. Надо держаться... вместе.

Она снова разрыдалась и зарылась лицом в подушку. Елизаров пристроил чашку на тумбочке справа и отошел в глубь гостиной. На экране возникла заставка новостей, и он немного прибавил звук. Остановился возле телевизора, опершись рукой о его корпус.

– Час назад Федеральная служба безопасности официально заявила, что дело о разбившемся пассажирском лайнере закрыто, – сухо прокомментировала дикторша, держа сложенные в замок руки перед собой. – Виновные понесли наказание... А сейчас наш специальный корреспондент с места событий в Петербурге, где сегодня утром...

Елизаров не поверил собственным ушам. Дело закрыто! Вот так просто!.. Двести погибших пассажиров, а виновные понесли наказание, и только. Кто эти виновные? Экипаж военного самолета? Пилоты лайнера? Диспетчеры? Синоптики? Террористы? Кто?..

Елизаров буквально задохнулся от негодования. Отлепившись от телевизора, он перевел взгляд на фотографию сына. Сережи больше нет, а он даже не знает, кто повинен в его гибели.

– Что они сказали? – Марина опять подняла голову.

Елизаров ничего ей не ответил. Не нашелся, что сказать. Стремительным шагом покинув гостиную, он направился в спальню и лицом вниз упал на кровать. Затем перекатился на спину и бессмысленным пустым взглядом уставился в потолок. В квартире зазвонил телефон, но Елизаров не стал вставать. Марина, как он знал, тоже не станет снимать трубку. Выслушивать все эти бесконечные соболезнования оказалось выше ее человеческих сил. От этой миссии она отказалась сразу.

Машинальным движением Елизаров скользнул рукой в нагрудный карман рубашки и выудил пачку «Парламента». Достал сигарету, вставил ее в зубы и прикурил. Бороться с этой пагубной привычкой он уже не собирался. Теперь все это теряло смысл...

Густая сизая струйка дыма потянулась под потолок. Елизаров смотрел на нее и слушал, как надрывается телефон. Мысли стремительно проносились у него в голове, хаотично сменяя друг друга.

* * *

Егор остановился у подъезда и посигналил. Распахнул водительскую дверцу и поставил ногу на асфальт. Настроение у него сегодня было приподнятым. Это случится! Это должно было случиться рано или поздно, и вот сегодня... Долго, конечно, но Валентина стояла таких ожиданий. Егор посигналил еще раз.

Она вышла из подъезда, и молодой человек с трудом узнал свою возлюбленную. Бледное, почти меловое лицо, осунувшиеся плечи, суетливая шаркающая походка. Егор никогда не видел Валу в таком виде.

– Валя, что?.. – Он выбрался из салона ей навстречу и далеко не с той помпезностью, которую планировал, протянул Валентине огромный букет чайных роз. – Что-то не так? Что случилось?

Она даже не взглянула на цветы. Не говоря уже о том, чтобы принять их. Подняла на Егора лицо, и молодой человек заметил, что ее глаза полны слез. Губы слегка подрагивают.

– Да что с тобой? Ты мне скажешь? – Он забросил букет обратно в салон и, взяв девушку за плечи, немного встряхнул ее: – Валя!

– Мой брат... Сережка... Он погиб.

– Как это погиб? – не понял Егор.

Валентина уткнулась ему в грудь и, уже не сдерживая рвущихся наружу слез, разрыдалась.

– Помнишь, я говорила тебе вчера, что он улетел в Женеву?... Родители сильно волновались... И не напрасно. Они разбились! Двести пассажиров. И среди них мой брат... Ты не смотрел телевизор?

Слезы душили девушку, и Егор мог разобрать далеко не все ее слова. Но суть он ухватил. И вдруг неожиданно для самого себя почувствовал, как по его спине пробежали мурашки.

– Прими мои соболезнования... – он и сам толком не знал, что следует говорить в таких случаях.

Но Валентина и не слышала его.

– Не могу находиться дома, – призналась она, немного успокоившись. – Мама все время плачет, отец мечется, как лев в клетке, все звонят, сочувствуют. Да еще этот включенный телевизор, где постоянно напоминают о трагедии... Зачем он это смотрит? Что еще хочет услышать?

Егор гладил ее по спине.

– Поедем куда-нибудь на природу? – предложила она. – Я чувствую, что мне просто необходимо глотнуть свежего воздуха.

Он готов был застонать от досады. В эту секунду мысли о гибели брата Валентины, ее слезы – все вылетело из головы Егора. Все, кроме одного. Чертов разбитый самолет стал новым неожиданным препятствием на пути к тому, к чему он так стремился. Валя не собиралась ехать к нему, как они договаривались вчера. Не собиралась дарить ему свою девственность. Ее можно, конечно, понять, но ему-то каково! Почему он должен обламываться из-за каких-то пьяных пилотов или чего-то там еще, что послужило причиной трагедии.

– Я надеялся, что мы посидим у меня, – он все же решил попробовать. – Купил шампанского, заказал ужин...

– Егор! – Валентина отстранилась от него так резко, словно ее ударило током. – Как ты можешь?! У меня умер брат, а ты...

– Валя, успокойся, – интонации получились немного жестче, чем он рассчитывал. – Я не предлагал тебе ничего такого. Просто посидеть, сменить обстановку, так сказать. Хотя вчера мы договаривались... И это тоже могло бы помочь тебе развеяться...

– Ты – дурак? Да?

Она толкнула его в грудь двумя руками, и Егор едва не потерял равновесие, успев в последний момент ухватиться за раскрытую дверцу машины. Первым рефлексным желанием было ударить ее в ответ. Наотмашь, по лицу. Но Егор сдержался. Вовремя вспомнил, кто перед ним и чем подобный поступок может обернуться в дальнейшем.

– Да нет, Валя. Я не хотел тебя обидеть. Но ты тоже должна понять. Жизнь не остановилась. Она продолжается.

По ее щекам вновь заструились слезы. Она вытерла их рукой и уронила взгляд.

– Я не хочу сейчас спорить с тобой, – красные белки глаз на фоне мертвенно-бледного лица не делали Валентину уже такой привлекательной и сексуальной. – Мне вообще не хочется сейчас разговаривать с тобой, Егор. Я подышу воздухом одна. Хорошо? А ты... Когда ты поймешь, насколько ты был не прав, и одумаешься, позвони мне. Допустим, завтра.

С этими словами она резко развернулась и зашагала прочь, направляясь к ведущей из двора арке. Егор поспешно устремился за ней и схватил за руку чуть выше локтя.

– Валя, стой!

– Пусти меня! – Она постаралась выдернуть руку, но хватка у молодого человека была крепкой. – Егор, не усугубляй положения. Ведь я дала тебе шанс...

– Какой шанс? О чем ты говоришь? – Он злился на себя, на нее, на весь окружающий мир и лихорадочно думал, как теперь исправить положение. – Я ведь ничего такого не сказал. Откуда причина для обиды?

– Неужели ты даже этого не понимаешь? Значит, правильно мне говорила мама. Все вы одинаковые. Пытаетесь быть чуткими, романтичными, но все время только и думаете о том, как бы залезть девчонке под юбку. У тебя есть на уме что-нибудь, кроме секса?

– Да кто говорил о сексе? – Егор почти кричал от отчаяния.

– У меня несчастье. Большое несчастье. А ты вместо того, чтобы поддержать или утешить как-то, предлагаешь поехать к тебе и говоришь о том, что жизнь продолжается. И почему бы нам между делом не дать начало новой жизни? Да, Егор?

– Я не говорил такого!

– Не говорил. Но подумал.

– Нет же! Не будь душой, Валя! Я только...

Он осекся на полуслове, но было уже поздно. Слово, как известно, не воробей. Егор бы и рад был вернуться на фразу назад, но уже не мог. Валентина дернула руку сильнее и высвободилась-таки из его цепкого захвата.

– Ах, значит, я еще и дура! – Она была на грани истерики, и молодой человек машинально отступил назад, ожидая пощечины. – Так вот, значит, кем ты меня считаешь! Ты меня всегда считал душой. Верно? Потому что я не такая, как все. Потому что у меня есть внутренний мир со своими проблемами и переживаниями. И я не похожа на всех остальных. На тех бесчувственных кукол, с которыми можно спать где угодно и когда угодно. Невзирая на обстоятельства. Прости меня за это, Егор. Прости и... И спасибо тебе за все.

Он не нашелся что ответить на этот пылкий монолог. Растерялся. Такое редко случалось, но сейчас растерялся. Он даже не окликнул ее больше, когда она двинулась к арке, а через пару минут и вовсе скрылась из виду. И догонять не стал. По твердому убеждению Егора, обвинения в его адрес прозвучали незаслуженно. Да, он подумал о том, что она сказала, но вслух же ничего не произнес... Да и какого черта? Она что, телепат?

Пнув носком ботинка подвернувшийся под ногу камушек, Егор развернулся и направился обратно к машине. В сердцах нанес еще один удар той же ногой, но уже по колесу. Первое, что попало ему на глаза, был огромный букет чайных роз, сиротливо притулившись на водительском сиденье. Егор схватил его и с размаху забросил в стоящий рядом с подъездом мусорный бак. Через несколько секунд туда же последовала и бутылка шампанского. А за ней торт в прозрачной упаковке.

Егор сел за руль, запустил двигатель, и автомобиль с ревом сорвался с места. Он выехал через арку и осмотрелся. Валентины нигде не было. Ну и черт с ней! Она и в самом деле дура. Ударив по газам, он направил автомобиль в сторону Кузнецкого Моста. Негодование росло в нем с каждой секундой. Негодование и злость. Злость на Валю, на разбитый самолет, на все авиакомпания мира... Но больше всего все-таки на Валю. Егор уже жалел, что не ударил ее. Во всяком случае, он бы не чувствовал себя сейчас таким униженным и раздавленным. Она отчитала его как мальчишку.

В кармане зазвонил телефон, и Егор, не сбавляя скорости, одной рукой извлек аппарат. Бросил взгляд на светящийся дисплей и поморщился. Катя... Ей-то чего нужно? Егор чувствовал, что не способен сейчас к адекватному разговору. Он бросил трубку на соседнее сиденье и постарался не обращать внимания на пронзительно звучащую мелодию.

– Угломнится она или нет? – раздраженно буркнул он.

У бара «Три толстяка» он остановил машину и вышел из салона, громко хлопнув дверцей. Сунул в рот сигарету, но прикуривать не стал.

– Привет, Сэм, – мрачно поприветствовал он знакомого бармена за стойкой. – Плесни-ка мне двести грамм коньячку.

Бармен беспрекословно исполнил пожелание клиента. Егор залпом осушил бокал и даже не поморщился.

– Повтори, – попросил он.

Сегодня он решил напиться.

* * *

Елизаров шел, низко опустив голову и глубоко засунув руки в карманы плаща. Несколько раз он толкнул плечом кого-то из прохожих, но даже это обстоятельство не заставило его поднять головы. Он не смотрел ни на кого вокруг и никого не замечал. Сигарета словно прилипла к его нижней губе, и Елизаров периодически затягивался на ходу.

На углу Пушкинской и Тверской он остановился, швырнул сигарету в урну и достал из кармана мобильник. Прежде чем набрать нужный номер, оглянулся через плечо. Сам себя поймал на мысли, что это глупо. Вряд ли Марина вообще станет задаваться вопросом, куда и зачем он пошел. Ей сейчас не до этого. С тем же успехом можно было бы позвонить и из дома. Но Елизаров не стал этого делать. Уже только потому, что им владело самое настоящее нетерпение. А так он почти на месте.

Указательный палец застучал по панели сотового телефона. С Игорем Андреевым Елизаров учился еще в школе. Большими друзьями они тогда не были, но потом, когда все связи порастерялись и школьные приятели разлетелись кто куда, оба были рады случайной встрече в супермаркете в отделе игрушек. Елизаров покупал полуторагодовалому Сережке плюшевого зайца, а Андреев подбирал в том же отделе недавно родившейся дочке кольцо для массажа десен. С тех пор они стали довольно тесно общаться. Традиционно встречались семьями раз в две недели по выходным, а иногда и в чисто мужской компании пропускали по стаканчику-другому. Сейчас старый однокашник нужен был Елизарову, как никогда. Учитывая то, где работал Андреев.

– Игорек. Привет, это я, – зачем-то шепотом заговорил Елизаров, когда вызываемый абонент ответил.

– Влад! Боже мой! – голос Андреева звучал взволнованно. – Извини, я был в деревне, у тещи. Приехали каких-то пару часов назад. И я только что узнал... Мне позвонил Никишин... Неужели это правда? Сережа?.. Сережа летел этим?.. – он с трудом подбирал слова, не зная, как связать их в единую фразу.

– Да, – коротко ответил Елизаров.

– Боже мой! – вновь повторил Андреев. – Мне очень-очень жаль, Влад. Прими мои соболезнования. Даже не знаю, как ты сейчас...

– Мне надо с тобой встретиться, Игорек.

Елизаров намеренно старался задвинуть эмоции на второй план. Сейчас они только мешали ему. Придерживая трубку мобильного телефона плечом, он прикурил новую сигарету. Он и сам сбился со счета, сколько он уже выкурил их за сегодня.

– Да, разумеется. Не вопрос, Влад, – с готовностью откликнулся Андреев. – А где ты сейчас?

– Я возле твоего дома. На углу Пушкинской и Тверской, – Елизаров повернул голову. – Прямо напротив «Калипсо». Тут есть свободные столики, Игорек. Сможешь подойти?

– Смогу, конечно. А почему ты не хочешь зайти к нам?

– Не хочу, – категорично отказался Елизаров. – Спускайся. Я тебя жду.

Он выключил телефон и опустил его обратно в карман плаща. Несколько раз глубоко затянулся сигаретой, откашлялся и перешел через дорогу на противоположную сторону. Свободных столиков в «Калипсо» действительно было много. Елизаров расположился за крайним, и тут же перед ним, как из-под земли, вырос молоденький официант с перекинутой через правую руку белой салфеткой и с компактным блокнотиком в левой.

– Что будете заказывать?

– Пива, – Елизаров даже не стал смотреть на него. Заказывать, в принципе, ничего не хотелось. Ответ прозвучал машинально. – Две порции.

– Что еще?

– Больше ничего.

Явно раздосадованный таким скудным заказом, официант удалился, и Елизаров остался один. Придвинул к себе пепельницу. Если штатный сотрудник ФСБ Игорь Андреев не сможет прояснить ситуацию с этой таинственной катастрофой, то Елизаров не знал, к кому еще можно будет обратиться. И что тогда? Сложить руки и смириться с тем, что смерть Сережи так и останется безнаказанной? Конечно, Владислав понимал, что никакие его нынешние действия не смогут вернуть сына к жизни, но если он будет сидеть без дела, то просто сойдет с ума...

– Влад?

Рука Андреева легла Елизарову на плечо. Владислав обернулся.

– Привет.

Он поднялся, и мужчины обменялись крепким рукопожатием. Затем оба снова сели за столик. Елизаров продолжал курить. Андреев наблюдал за его лицом и не решался первым начать разговор. А что можно сказать человеку в таком положении? Как почувствовать всю глубину его боли? Да и наверняка не за сочувствием пригласил его в «Калипсо» бывший одноклассник. Значит, что-то ему надо. Значит, есть какая-то серьезная тема.

Официант принес два темных пива в больших запотевших бокалах, снял их с подноса и поставил на столик. Перед каждым мужчиной по бокалу. Молча ретировался.

– Что ты слышал о катастрофе, Игорек? – нарушил-таки наконец изрядно затянувшуюся тягостную паузу Елизаров.

Видя, что собеседник не притрагивается к своему пиву, Андреев тоже не стал этого делать. Скрестил руки на груди.

– Еще толком ничего не слышал, Влад, – ответил он. – Я же говорю тебе, что всего два часа назад вернулся из деревни. Узнал, хотел позвонить тебе, но ты меня опередил. Я брал отгулы на службе по... по семейным обстоятельствам, – Андрееву показалось, что слово «семья» сейчас звучит как-то неуместно. – Никишин сказал мне, что произошло столкновение двух самолетов. Пассажирского и военного. Так?

Елизаров кивнул.

– Расследованием занимается наше ведомство?

– Занималось, – Владислав загасил окурок в пепельнице, прикоснулся пальцами к бокалу с пивом, но не взял его, а только слегка отодвинул от себя. – Об этом говорилось по телевизору все утро. А в обед объявили о том, что дело закрыто.

– Вот как? – удивился Андреев.

– Неожиданно, да? – Елизаров невесело усмехнулся. Его лицо в этот момент больше напоминало восковую маску. – Я и сам в первую секунду не поверил. Но факт остается фактом, Игорек. Дело закрыли.

– А что они сказали?

– Что виновные понесли заслуженное наказание.

– И все?

– И все. Больше ни слова. Сам понимаешь, что меня подобная формулировка не удовлетворила. Я хочу знать, кто конкретно повинен в смерти моего сына и какое наказание они понесли, – Елизаров грохнул кулаком по столу, и пиво из обоих бокалов выплеснулось через край. Звякнула стеклянная пепельница. Владислав закрыл глаза, затем снова открыл их и уже более спокойно спросил: – Ты можешь по своим каналам выяснить для меня, что там произошло?

Несколько секунд, показавшихся Елизарову вечностью, Андреев молчал. Покусывал нижнюю губу, прикидывая что-то для себя.

– Выяснить я, конечно, могу, – медленно, делая паузу почти после каждого слова, ответил он. – Но хотелось бы знать, что ты задумал, Влад? Зачем тебе эта информация? Чего ты хочешь?

– Ничего я не задумал, – холодный взгляд Елизарова сфокусировался на одной точке. – Я просто хочу знать, что в этом мире есть правосудие. Что от смерти моего сына не отмахнулись, как от чего-то несущественного. Только информация, Игорек.

– Хорошо, – объяснение друга удовлетворило Андреева, или он сделал вид, что оно его удовлетворило. – Я постараюсь узнать, Влад. К завтрашнему вечеру. Устраивает?

– Вполне. Где и во сколько тебя можно увидеть?

Практичный и жесткий подход Елизарова к ситуации слегка покоробил Андреева. Прежде он никогда не видел Владислава в таком состоянии. Мягкий и рафинированный, он вдруг на глазах превратился в уверенного в себе и в своих поступках человека. Андрееву даже стало немного не по себе.

– Ну, давай здесь же. Часов в семь вечера. Если что-то изменится, созвонимся. Только не ты мне. А я сам позвоню.

– Договорились. – Елизаров достал из пачки новую сигарету и вставил ее в рот. – И заранее тебе спасибо, Игорек.

– Пока еще не за что.

Елизаров прикурил.

– Разве ты не бросаешь? – осторожно поинтересовался Андреев.

– Уже нет. Теперь как-то не до этого.

– Влад, я все понимаю, – Андреев прочистил горло. – Это огромная утрата... Даже нет. Понять это невозможно. Это нужно почувствовать. Врагу не пожелаешь, как говорится... Но я тебя прошу, не закидывайся. По-дружески прошу, Влад.

– Я постараюсь, – голос Елизарова звучал все так же отстраненно. – Но сейчас как-то слабо верится, что жизнь может вернуться в привычное русло. Ну, или хотя бы отдаленно напоминающее его.

– А как Марина?

– Ужасно.

– Может, сказать моей Галке, чтобы она наведлась к вам? – предложил Андреев. – Не на часок, а так, чтобы поговорить, поддержать, что ли...

– Не стоит, – Елизаров покачал головой. – Ей лучше сейчас одной. Не хочет ни с кем общаться. Но она у меня сильная, Игорек. Справится.

– Верю.

Какое-то время мужчины сидели молча, глядя на стол. Андреев чувствовал неловкость, а Елизаров словно опять погрузился внутрь себя. Оба бокала с пивом так и стояли нетронутыми. Влага мелкими капельками скатывалась по стеклу.

– Ты извини, Игорек, но я пойду, – Владислав отодвинулся вместе со стулом. – Голова кружится. Прогуляюсь. И вообще...

– Конечно-конечно, – Андреев поднялся следом за приятелем. – О чем ты говоришь? Если хочешь, я могу с тобой...

– Нет, не стоит. Увидимся завтра. Пока, Игорек.

– Пока.

Они снова пожали друг другу руки, на этот раз на прощание, и Елизаров, бросив деньги на стол за заказанное, но так и не тронутое пиво, первым покинул кафе. Андреев остался стоять у стола. Выходить вместе с приятелем, который недвусмысленно дал понять, что одиночество ему сейчас крайне необходимо, он посчитал излишним.

На улице, как и вчера перед вылетом самолета, стал накрапывать мелкий дождик. Елизаров остановился у входа в «Калипсо» и поднял лицо вверх. Мелкие капельки дождя приятно освежили его разгоряченное лицо. Разговор с Андреевым дался Владиславу нелегко, хотя он и старался не показывать этого. Мысль о Сереже и о том, что его больше нет, не отпускала ни на секунду. А он ведет себя как истинный прагматик. Пытается докопаться до сути, которая, по большому счету, ничего не меняет. Но Елизаров чувствовал, что делает именно то, что должен делать.

Сунув руки в карманы плаща, он зашагал по Пушкинской в обратном направлении. В очередной раз остановился только уже у самого дома. Долго не мог решиться зайти в подъезд. Сосредоточенно курил, поглядывая на окна второго этажа. Затем окинул взглядом двор, и сердце екнуло в тот самый момент, когда глаза остановились на детской площадке. Сережка вырос на этой площадке. На ней он сделал свои первые шаги, на ней он впервые упал, до боли расцарапав коленку, на ней он соорудил свой первый в жизни песочный куличик. Елизаров отлично помнил все эти моменты, потому что всегда находился рядом с сыном. Ком в горле разросся до невероятных размеров, но слез по-прежнему не было. Владислав сглотнул, двумя глубокими затяжками докурил сигарету и вошел в подъезд.

За время его отсутствия Марина даже не поменяла позы на диване. Так и лежала ничком, подмяв под себя подушку. Но уже не плакала. Хотя и не спала. Телевизор негромко работал, на тумбочке рядом с диваном стояла оставленная Владиславом чашка. На журнальном столике фотография Сергея. Елизаров отвел взгляд.

– Где ты был? – жена не повернула в его сторону головы.

– Гулял. Как ты?

Она не ответила. Елизаров подошел дивану и опустился возле нее на корточки.

* * *

Третья суббота месяца. Вечер. Время без двадцати семь. Егор встал с дивана и в очередной раз подошел к открытому окну. Изменений в пейзаже не произошло. Все было так же, как и десять минут назад.

Его раздражала непунктуальность. Егор знал, что встреча состоится в любом случае, но ожидание лишало свободы действия и нагоняло тоску. В девятом классе четыре ученика, гордость школы и надежда родителей, решили, что третья суббота каждого месяца принадлежит только им. Объявив этот день священным, они договорились ни в чем себе не отказывать и воплощать все свои фантазии, какими бы безумными они ни были. Отказаться никто не имел права, а все, что происходило, оставалось строго между ними. За пять лет дружбы никто из них не нарушил договора. Если по каким-то причинам встреча срывалась, ее переносили на другой день, и тогда он объявлялся священной субботой. Развлечения их были разнообразны, а часто и «беспредельны». Угон машины на спор или уличный гоп-стоп давно уже не щекотали нервы и считались детской забавой. Они пробовали заниматься шантажом, но это не доставило им удовольствия. Последнее время они не обговаривали плана действий заранее. Все должно было происходить спонтанно. Главным в их встречах было единственное правило: «Что запрещено – должно случиться!» Они были убеждены в собственной безнаказанности. И вовсе не

потому, что их родители были весьма обеспеченными людьми и имели множество связей, а потому, что им все и всегда сходило с рук. Так было всегда.

Когда наконец раздался долгожданный звонок в дверь, Егор не стал спешить открывать. Он достал сигарету и закурил. Звонки в дверь продолжались, но теперь к ним добавились и телефонные звонки. Егор взял трубку.

– Кончай! Коньяк стынет! – услышал он радостный голос Андрея.

– Вы на сорок минут опоздали, потому что за коньяком решили заехать?

– Кончай злиться! Открывай!

Егор отключил телефон, затушил сигарету и медленно пошел к входной двери. В квартиру с шумом ввалилась веселая троица.

– Ну, что на сегодня предсказали нам звезды? – обратился с усмешкой Егор к Андрею, мать которого от безделья и излишества денег постоянно посещала модные курсы. Последним ее увлечением была астрология, о которой она взахлеб рассказывала сыну.

– Звезды предсказали кальвадос и марихуану, – рассмеялся тот.

Поставив на журнальный столик бутылку яблочного коньяка, он достал из кармана маленький сверток и кинул его Егору.

– Забывай! Травка супер! Пол-Москвы за ней объездили.

– Да я вижу, вы уже раскурились? – Егор показал рукой на Пашу, который, как вошел в комнату, тут же плюхнулся на диван и молча уставился в потолок.

– Должны же мы были пробу снять, – развалившись в кресле, лениво ответил Тимур. – Ну, дадут нам в этом доме рюмки или мне от жажды погибать?

– Лично я не парюсь. Мне божественный напиток сегодня не светит, – неожиданно оживился Павел. – Вообще-то несправедливо, пацаны. Я вторую субботу за рулем!

– Не ной, отрулю я за тебя в следующий раз, – Егор достал из бара три рюмки и разлил коньяк. – Ну, что? За удачную охоту!

Выкурив по сигарете с анашой, они взяли с собой недопитый коньяк и, сев в машину, поехали в направлении Серебряного Бора. Родители Тимура уже два года работали за границей, так что дача пустовала.

– Притормози у кафешки, – попросил Андрей. – Кажется, здесь сегодня подают симпатичное мясо.

Он вышел из машины.

– Что у него за вкусы? Так мы с ним скоро до дам с Савеловского вокзала доедем, – прокомментировал Паша, наблюдая за товарищем, который с легкостью перепрыгнул ограждение летнего кафе и подсел за столик к двум девушкам.

– Мне тоже варианты с подмосковными плюшками надоели, – оценил выбор Андрея Тимур. – Я вообще не понимаю смысла. Они за три рубля на все сами согласятся. Это уже не охота называется, а поход в second hand, да еще в день распродажи.

– Андрюх, завязывай, мы уезжаем! – крикнул Егор, не выходя из машины, а Паша призывно посигналил.

– Я договорился. Они согласны, – подойдя к машине, отчитался Андрей.

– Кто бы сомневался! Ты им, умник, наверное, еще и денег пообещал? – Отвернувшись от Андрея, Егор обратился к Тимуру: – Если бы знал, что у нас по расписанию дешевый съем, вообще бы из дома не вышел.

– Если у кого-то есть варианты получше, пусть не скрывает их от нас, – проворчал Андрей, но в машину все-таки забрался.

– Для начала надо пыхнуть, а там, глядишь, что-то и нарисуеться, – со знанием дела предложил Павел.

– Согласен, и кальвадосиком залакировать, – Тимур сделал глоток прямо из бутылки. – Трогай, водила! – рассмеявшись, он слегка толкнул Павла в спину.

Они припарковали машину рядом с магазином у станции метро «Динамо». За выпивкой пошли Егор и Тимур.

– Упертый все-таки ты, Егор. На даче вискаря улейся, а ты на левак деньги собрался тратить.

– До дачи еще добраться нужно. – Егор остановился и поинтересовался у Тимура: – Слушай, а мы что – на сегодня с весельем завязали? Ты не находишь, что скучновато мы стали время проводить? Или тебя устраивают попойки с девками?

– Да, тупняк, конечно. А ты что предлагаешь? Банк ограбить? – Тимур сделал задумчивое выражение лица и серьезно проговорил: – Думаю, начать стоит с банка твоего папашки. Если попадемся, отец сына всегда отмажет.

Оба рассмеялись. Купив бутылку коньяка, они вышли из магазина и направились к машине.

– Постой, – Тимур остановил Егора. – Видишь, на лавочке забавный экземпляр сидит? – он сунул в руки Егору бутылку. – Ступай, повесели друзей. – Улыбнувшись, Тимур поставил условие: – Пускай платице скинет и голенькая нам здесь дефиле покажет. Только не затягивай. Мы сейчас машину поближе подгоним.

В сквере на лавочке сидела привлекательная белокурая девушка в длинном вечернем платье с глубоким декольте. В своем шикарном наряде она плохо вписывалась в окружающую обстановку. На вид ей было не больше двадцати пяти лет. Она, очевидно, была чем-то расстроена. Нервно курила, периодически встряхивала головой и зло усмехалась.

В десять вечера в сквере было еще многолюдно. Егор понимал, что заставить приличную девушку пройтись обнаженной – задача не из легких. И деньги в этом случае не помогут. Да и начать разговор с человеком, который явно не настроен на беседу, непросто.

Он присел рядом с девушкой и закурил. После непродолжительного молчания, не глядя на соседку, он задал ей вопрос:

– У вас случайно не будет с собой коньячных фужеров?

– Что? – девушка повернулась и непонимающим взглядом посмотрела на Егора.

– Фужеров коньячных с собой нет случайно? А то у меня случайно с собой коньяк, – сказал он, рассматривая бутылку.

– Придурок, – девушка поднялась со скамейки с явным намерением уйти.

– Вы правы. Моя жена такого же мнения, – он сказал это, заметив на правой руке девушки обручальное кольцо. – Говорят, первый год самый тяжелый в семейной жизни.

Егор открыл бутылку, отпил коньяк и протянул ее девушке.

– Выпьете так? Фужеров у вас все равно нет.

– А почему бы не выпить? Да какая разница! – она снова села на лавочку. Взяла бутылку, сделала глоток и вернула коньяк Егору. – Дело не в количестве лет. Просто один любит, а другой позволяет себя любить. Мне позволяют.

Она горько усмехнулась.

– Мне тоже позволяли. Возьмите, – Егор протянул ей пачку сигарет.

– Да прекрати ты выкать! А то я себя старухой чувствую. Я старше тебя лет на пять, не больше, – девушка взяла сигарету. – А почему кольцо не носишь, если женат? Все вы, мужики, одинаковые!

– Я носил, – Егор усмехнулся. Достал зажигалку, закурил и дал прикурить девушке. – До сегодняшнего вечера.

– Поссорились... Не переживай, образуется все.

– Мы не ссорились. Она просто ушла. Сказала, что я придурок, и... ушла.

Какое-то время они оба молча курили. Егор видел, как друзья подъехали поближе, и Тимур даже вышел из машины, чтобы было удобнее наблюдать. Егор не знал, как дальше себя вести и что говорить.

– Я так и знала! – девушка резко выпрямила спину. С напряжением глядя в конец аллеи, она нервно и зло проговорила: – Идет! Я здесь уже час сижу, а он только на поиски вышел. Придурок! – Она повернулась к Егору: – Извини, это я про мужа. Видеть его не могу.

– Хочешь, уйдем? – спокойно предложил молодой человек.

– Действительно! Это сейчас самое лучшее, а то я таких гадостей ему наговорю! – Она встала с лавочки и потянула Егора за руку. – Пойдем быстрее, пока он нас не заметил!

У девушки изменилось настроение. Егору даже показалась, что она улыбалась. Они побежали к машине, в которой со скучающим и равнодушным видом сидели Андрей и Паша. Тимур отошел в сторону. Егор спросил у Паши:

– Друг, подбросишь? Буквально квартал! Я сотку заплачу!

– Садитесь, – ответил Павел.

– Конечно, подбросим! – сидя на переднем сиденье и открыто улыбаясь, подтвердил Андрей.

Девушка, рассмеявшись, села на заднее сиденье. За ней в машину последовал Егор. С другой стороны девушки почти одновременно с Егором сел и Тимур.

– Эй! В чем дело? – спросила она возмущенно у Тимура.

– Ни в чем. Просто у нас с вами один маршрут, – улыбаясь, ответил он. И, рассмеявшись, скомандовал: – Трогай!

Когда машина тронулась, девушка запаниковала. Она начала трясти Егора за плечи и задавать ему бессмысленные вопросы:

– Что происходит? Куда мы едем? Остановите машину! Выпустите меня! Кто они? Это шутка?

Егор молча улыбался.

– Конечно, шутка! – ответил за него Андрей. – Серьез только на даче начнется!

– А что мы здесь прячем? – Тимур просунул руку под платье и схватил девушку за грудь.

– Скотина! – Она отреагировала на его действия звонкой пощечиной. – Подонок!

– Ах ты, тварь! – Тимур с размаха ударил ее по лицу. – Держи руки! – крикнул он Егору.

Егор схватил девушку за руки. Все, что происходило дальше, Егор воспринимал как будто сквозь туман. Он плохо понимал, что происходит, но ощущение беспредельной власти над человеком завораживало и заставляло действовать. Вместе с Тимуром они пытались снять с девушки платье. Она сопротивлялась, просила не делать этого, рыдала, умоляла... Платье не поддавалось, тогда они стали разрывать его. Тимур хотел заставить ее пить коньяк. Девушка размахивала руками, кричала, отталкивая бутылку. Коньяк разливался по всей машине. Хохот, крики, просьбы слились в общий гул... Кто-то предложил свернуть на проселочную дорогу. Они заехали в лесопосадку и выволокли девушку из машины.

Все четверо словно обезумели. Никто из них больше не сдерживал себя. Чем больше девушка просила о пощаде, тем сильнее им хотелось причинять ей боль и унижать...

Когда все закончилось, они, обессиленные, сели в машину. Им не хотелось ни говорить, ни двигаться. Чувство опустошения и покой зверя после удачной охоты полностью завладели их сознанием.

– Машину загадили. Теперь после коньяка неделю проветривать надо, – первым подал голос Паша. Он прикурил сигарету и, с наслаждением затянувшись, продолжил: – Егор, слушай, пойдешь, дай ей сотку, чтоб до города довезли. А то выйдет на трассу, ее кто-нибудь еще пользует. А девочка и так нас сегодня по полной программе обслужила!

Паша с Андреем громко рассмеялись.

– Да, и отдай ей плед. Старый, в багажнике валяется. Все равно выбросить хотел, – к смеющимся Андрею с Пашей присоединился и Тимур.

Егор вышел из машины, открыл багажник и достал плед. Когда он подошел к девушке, она сидела на земле, обхватив руками колени и низко опустив голову. Все ее тело было покрыто ссадинами и кровоподтеками. Плечи вздрагивали от рыданий. Она тихо и быстро повторяла:

– За что? За что?..

– Вот, – Егор бросил на землю плед и положил на него деньги. – Сто баксов. До города доедешь.

На какое-то мгновение ему стало жаль ее. Но как только Егор сел в машину, он тут же забыл о девушке. Кроме дикой усталости и желания выспаться, он в эту секунду ничего не ощущал.

Глава 3

Без пятнадцати семь Елизаров уже был в кафе. Андреев не позвонил ему, а значит, договоренность о намеченной вчера встрече оставалась в силе. Вид у Владислава был помятым. Уснуть ему так и не удалось. Он ни на минуту не сомкнул глаз. Даже в спальню не пошел. Не считая того, что перенес туда на руках уснувшую Марину. Сам же Елизаров просидел всю ночь в гостиной перед телевизором. Надеялся, что в новостях прозвучит хотя бы еще одно упоминание о произошедшей катастрофе. Но ни одного даже самого маленького комментария на этот счет так и не последовало. О катастрофе все как-то разом забыли. Будто и не было ее вовсе.

На этот раз к столику, за который сел Елизаров, подошла девушка.

– Готовы сделать заказ? – поинтересовалась она.

– Принесите пива. Две кружки, – как и вчера, попросил Елизаров, но затем спохватился:

– Хотя нет. Пойдите... Не надо пива. Что у вас есть в меню из... быстрого?

– У нас есть яичница. Есть салат из... – начала перечислять девушка, но Владислав перебил ее:

– Яичница будет в самый раз. Несите яичницу. И сок.

– Какой?

– Любой.

О заказе на долю Андреева он не подумал. В конце концов, тот сам закажет себе то, что сочтет нужным. Если захочет. Елизаров посмотрел на часы. Без семи минут. Он нервно закурил. Что, если Игорь ничего не узнал? Или... Информация, которую он доставит, будет не той, на которую рассчитывает Владислав? А на какую, собственно говоря, информацию он рассчитывает? Этого Елизаров и сам не знал.

Официантка принесла вишневый сок и поставила его на пустой столик перед посетителем. Заверила, что яичница будет готова минут через пять. Елизаров согласно кивнул. Она ушла. Он сделал небольшой глоток сока и покосился на входную дверь. Вновь сверился с наручными часами. Без трех...

По Андрееву с его пунктуальностью можно было сверять время. Он появился в «Калипсо», когда минутная стрелка коснулась двенадцатичасовой отметки. Уверенным стремительным шагом направился к столику, за которым сидел Елизаров. Владислав встал. Машинально, не без доли разочарования отметил, что никакой папки при Андрееве нет. Если бы информация была стоящая, то при фээсбэшнике непременно была бы папка. Хотя с чего он так решил?..

– Привет, Влад. Как ты? – поздоровался Андреев, занимая место напротив.

– Получше, – соврал Елизаров.

– По тебе не скажешь. Вид больно помятый.

– Я плохо спал, но потом... В общем, сейчас лучше. Ты накопил что-нибудь для меня?

Андреев тяжело вздохнул, и это, как показалось Елизарову, тоже было плохой приметой.

– Накапывать было нечего, Влад, – школьный приятель отвел глаза. – Более того, я умудрился подставиться из-за того, что полез в эту историю. Начальству это не понравилось, и я... Мягко говоря, получил по шапке.

– Почему?

– Дело с этой катастрофой – тайна, покрытая мраком...

Андреева прервало очередное появление официантки. Она поставила перед Елизаровым тарелку с аппетитно дымящейся яичницей, но он даже не обратил на это внимания. Девушка вопросительно посмотрела на Андреева.

– Чай, – заказал тот. – Зеленый и без сахара.

Мужчины снова остались наедине.

– Что значит «тайна, покрытая мраком»? – нетерпеливо спросил Елизаров.

– Все, как ты мне и сказал, Влад, – фээсбэшник оглянулся через плечо, словно опасаясь, что их разговор с другом может подслушать кто-нибудь посторонний. Однако кроме них двоих в кафе было еще всего трое посетителей. Молодая парочка и пожилая женщина с задумчивым выражением лица. Подслушивать было просто некому. – Поначалу это было новостью номер один. На расследование кинули лучших специалистов, а потом... Будто отрубили. Сверху пришла директива – закрыть дело. Что называется, без суда и следствия. К информации не подступишься... Но я пообщался кое с кем из наших и выяснил, что в дело вроде как вмешались военные. Полагаю, те самые, кому и принадлежал один из пострадавших самолетов. Они и распорядились не копать там, где не надо...

– Вот так вот? – Елизаров вскинул брови, но в его голосе сквозило не столько удивление, сколько раздражение. – А то, что в пассажирском самолете разбилось более двухсот человек, а из них большинство – дети, на это, значит, всем наплевать? Переживут и забудут?

– Извини, Влад, но похоже, что так. Такова уж наша система...

– Такова система? – Елизаров сжал кулаки, но уже через секунду расслабил кисти и, чтобы как-то взять себя в руки, сделал глоток вишневого сока. – Меня поражает твое спокойствие, Игорек. Тебя ведь, похоже, не сильно волнует вопрос, что система именно такова?..

– А что я могу изменить?

– Ничего. Разумеется, ничего. Но ты продолжаешь в ней работать.

– Я должен кормить семью.

– Да, семью... – Елизаров придвинул к себе тарелку с яичницей, взял вилку и принялся неторопливо есть. Складывалось такое впечатление, что он насильно вталкивает в себя пищу. – Ты прав, Игорек. Семья – это превыше всего. Я понимаю. И больно, если эта чертова система у тебя ее отнимает. Я имею в виду семью... Или как минимум одного из ее членов...

– Влад, послушай, – начал было Андреев, но друг безапелляционно прервал его.

– В катастрофе были виноваты военные? Да?

– Видимо, да. Но я же говорю тебе, Влад, информация закрытая. Докопаться до сути невозможно. Если ты, конечно, не состоишь в высшем руководстве. А я, к сожалению, не состою. Поэтому судить, кто там прав, а кто виноват... Дело списали на двух дежуривших в ту ночь в аэропорту диспетчеров.

Елизаров поднял глаза.

– Почему именно на них? – спросил он.

– Ну, как я понял, в какой-то степени вина за происшедшее лежала и на них, – пояснил Андреев. – Сориентируйся они грамотно в сложившейся ситуации, катастрофы могло бы и не быть. Но так получилось, что в ту ночь дежурили два полных раздолбая. Один из них к тому же был пьян. Не разобрались с пультом управления и... И мы имеем то, что имеем, Влад.

– Ясно.

Елизаров расправился с яичницей в тот самый момент, когда официантка принесла Андрееву зеленый чай. Она забрала пустую тарелку. Владислав пригубил сок и закурил. Минут пять молча наблюдал за тем, как его друг, морщась, делает небольшие обжигающие глотки чая.

– И что с ними сделали? – спросил он. – С этими двумя диспетчерами?

– Их уволили.

– И все?

– А чего ты хотел? – Андреев поперхнулся, закашлялся, но спустя секунду, совладав с собой, живо продолжил: – Ты ждал, что их приговорят к расстрелу? Повесят на Красной площади? Подвергнут публичной экзекуции? В конце концов, они – люди, Влад. Люди, которые халтурно отнеслись к своим служебным обязанностям, но люди!

– По их вине погибло свыше двухсот человек, – упрямо напомнил Елизаров.

– Я знаю. И сочувствую тебе, Влад, что среди этих двухсот человек оказался твой сын, но... Их уволили, и это все.

– Ясно, – вновь повторил Владислав. – Как их фамилии, Игорек?

– Зачем тебе?

– Я просто хочу знать, – лицо Елизарова скрылось за густым облаком дыма, но Андреев успел заметить, как у него яростно раздулись ноздри. – Ты можешь предоставить мне хоть какую-то информацию или решил полностью отмежеваться от ситуации?

Его упрек достиг цели, и Андреев почувствовал себя неудобно. Конечно, как любой здравомыслящий человек, он отдавал себе отчет в том, что фамилии виновных диспетчеров понадобились Елизарову не просто так, но при этом он отлично понимал и его боль. И предавать товарища, оставлять его без поддержки в столь трудную минуту было тоже как-то не с руки. Андреев потянулся за чашкой чая, но в последнюю минуту передумал.

– Так ты знаешь их фамилии?

– Лерайский и Кулемин. Только я прошу тебя, Влад...

– Успокойся, – Елизаров погасил сигарету в пепельнице. – Я взрослый человек, Игорь, и отдаю отчет в собственных действиях. И мой разум не помутился.

В отношении последнего у Андреева имелись серьезные сомнения. Глаза Владислава говорили об обратном. И его поведение тоже. В частности, например, в том, как он курил. Слишком часто. Андреев заметил, что предыдущий окурок еще не успел толком погаснуть в пепельнице, а Елизаров уже вновь достал пачку и выудил из нее новую сигарету.

– Если вдруг станет известно что-нибудь еще, Игорек, например о военном самолете или о том, кто отдал распоряжение вашему ведомству закрыть дело, позвони мне. А пока спасибо и на этом.

Щелкнув зажигалкой и глубоко затянувшись, Елизаров поднялся из-за столика, шумно сдвинув стул. У столика появилась девушка-официантка. В руках у нее был счет. Владислав, не глядя, сунул ей в руки деньги.

– Передай привет своим, – улыбки на лице Елизарова не было.

– Да... Спасибо. Ты тоже, – ответил Андреев. – Как там Марина, Влад?

Елизаров только покачал головой.

– А Валя?

– Более или менее.

Сказав это, он развернулся и направился к выходу. Андреев заметил, что и походка у его друга тоже изменилась. Как это ни странно, но она стала жестче, увереннее. Елизаров буквально чеканил каждый шаг. И куда подевалась его привычная рассеянность и некоторая неуклюжесть?

Оказавшись на улице, Владислав взял такси. Никакого четкого плана у него еще не было, но он чувствовал, что некое решение зреет внутри его. Крутится вокруг какого-то обрывочного воспоминания.

– Волгоградский проспект, пожалуйста, – бросил он таксисту с заднего сиденья, и машина тут же тронулась с места.

Елизаров планировал заехать в университет всего на несколько минут. Причем желательно так, чтобы его никто не видел. Разговаривать сейчас ни с кем не хотелось. Надо только взять кое-какие вещи и тут же вернуться домой. На том же такси. Три дня отгулов в запасе еще было. А дальше... Так далеко Елизаров даже и не гадал.

* * *

Егор не звонил. Не звонил уже второй день после той ссоры у подъезда. Но, честно говоря, Валентина и сама не могла понять, хорошо это или плохо. Ощущение какой-то пустоты,

разумеется, присутствовало, но чем больше девушка думала о своем молодом человеке в последнее время, тем больше понимала, что они с ним не пара. Егор повел себя безобразно. И в принципе, для него это было типичным. Он весь был в этом. Эгоист до мозга костей. Валентина отлично понимала это, но наивно полагала, что, может быть, со временем он изменится...

После смерти брата Валентина редко покидала свою комнату. Чаще всего только для того, чтобы немного прогуляться, а затем вновь возвращалась обратно. Без Сережки в квартире было пусто. И никто ни с кем не общался. Мама «сидела» на успокаивающих, а когда их действие проходило, начинала плакать. Отец появлялся редко, и Валентина даже и предположить не могла, где он пропадает и чем занимается. За мамой ухаживала переехавшая к ним вчера после похорон тетка, мамина родная сестра. Хотя какие там похороны!.. Тела Сережи не было, и в гроб пришлось положить лишь щепотку земли, взятую с места трагедии. Там, где упали осколки авиалайнера.

Валентина села к столу и раскрыла альбом с фотографиями. Первым снимком, на который она наткнулась, был тот, где вся их семья находилась на отдыхе в Крыму. На фоне бескрайнего Черного моря все четверо стояли по щиколотку в воде, а лучи заходящего солнца играли на их загорелых плечах. Сама Валентина в оранжевом бикини и с мокрыми волосами стояла слева рядом с мамой, слегка обнимая ее за талию. Сережка был в середине. Состроив озорное выражение лица, он выставил перед собой оттопыренный большой палец правой руки. Что он хотел этим показать и какие мысли в этот момент роились у него в голове – оставалось загадкой. И отец. Отец улыбался, а его рука лежала у Сережки на плече. Отец выглядел очень счастливым. Да он, собственно говоря, таковым и был, когда все они проводили время вместе, а не по отдельности.

Валентина перевернула снимок и прочла надпись на его противоположной стороне: «Отдыхаем, как душой, так и телом». Это написал отец, и в свое время по этому поводу было множество шуток в его адрес. Особенно со стороны мамы. Валентина вставила фотографию обратно в уголки и перевернула страницу альбома.

– Валя, – дверь в ее комнату бесшумно отворилась, и на пороге возникла тетя Нина в темном длинном халате.

Валентина поспешно закрыла альбом и обернулась:

– Да?

– Ты не сходишь в аптеку? Марине нужны лекарства, а до Владислава я так и не дозвонилась. Ты не знаешь, где пропадает твой отец?

– Нет, я его сегодня с утра еще не видела, – Валентина раскрыла верхний ящик стола и убрала в него альбом. Затем встала. – Но в аптеку я схожу, тетя Нина. Что нужно купить?

– Вот, – тетя протянула ей лист бумаги, на котором крупными буквами было написано длинное и непонятное название препарата.

Находясь в своей комнате, девушка слышала, как час назад приезжал врач и осматривал маму. Логичным было предположить, что после этого осмотра понадобятся новые медикаменты.

Надев плащ, но не застегивая его, Валентина вышла из квартиры. Спустилась по лестнице и вышла из подъезда. Аптека была в конце квартала, но, прежде чем направиться туда, Валентина по пути завернула в продуктовый магазин и купила маме еще и фруктов. Только сейчас ей пришло в голову, что в последнее время все трое – и она, и мама, и отец – очень мало уделяют друг другу внимания. И такое положение вещей надо в корне менять. Общее горе должно не разводить близких, а, наоборот, спланивать. С папой тоже надо поговорить на эту тему, как только он появится.

Купив необходимое лекарство, Валентина пошла к дому. У самого подъезда она обернулась, и на мгновение ей показалось, что в арке мелькнула фигура Егора. Это могло быть и

ошибкой, но в связи с этим мимолетным обстоятельством мысли девушки вновь вернулись к персоне ее бойфренда.

* * *

Решение созрело у Елизарова не сразу. Отдельные варианты проносились в голове, но упорно не желали складываться в целостную картину. И даже какое-то время после того, как он определился со своими действиями, Владислав продолжал колебаться. Насколько он вправе брать на себя такую ответственность? Но ведь государственное правосудие дремлет. А значит, кто-то должен взять на себя его функции. Так почему бы тогда не он, Владислав Елизаров, скромный профессор кафедры иностранных языков? На эту роль сойдет любой, как в том фильме, который Елизаров мельком видел в ночь крушения самолета. Но не каждый на это отважится. А он... Он готов. Готов сам стать правосудием. Или, вернее, его тенью. Его оборотной стороной.

Владислав закурил очередную сигарету и почувствовал, как к горлу подкатил тошнотворный ком. В последнее время он очень мало ест и слишком много курит. С этим надо завязывать. Теперь, когда у него обозначилась цель... Нужно хотя бы есть.

С этой мыслью Елизаров прошел на кухню и обследовал холодильник на предмет съестного. Свет включать не стал. Не хотел будить никого из родных. Им и так сейчас нелегко. И Марине, и Вале. Так зачем же им еще задаваться вопросом, почему глава семьи бродит каждую ночь по квартире, словно привидение?

Отыскать в холодильнике удалось немного. В последнее время ходить в магазин за продуктами было некому. Обычно этим занималась супруга, но она вот уже несколько дней не выходила на улицу. Да и куда ей в ее нынешнем состоянии?

Нарезав заветренной колбасы, Владислав сделал бутерброды, сбобрив их горчицей и майонезом и в таком виде сунул в микроволновку. Недокуренную сигарету пристроил на краешке пепельницы.

Оружие?.. Вопрос номер один, требующий разрешения. Достать пушку так, чтобы при этом не засветиться, – дело непростое. Если не сказать больше – невыполнимое. Любой грамотный оперативник в первую очередь зацепится за этот след, и он уже неминуемо приведет сыскаря к преступнику. Этого Елизаров допустить не мог. Тогда что? Нож? Слишком ненадежно и слишком много крови. А значит, опять рискованно.

Микроволновка издала негромкий звук, извещая Владислава о том, что импровизированные сэндвичи готовы к употреблению. Елизаров в две-три глубокие затяжки докурил сигарету, а затем принялся есть. Он и сам не предполагал, что так зверски проголодался. Что ж, это нужно. Если все пойдет по плану, то силы ему еще очень пригодятся.

Озарение пришло в тот момент, когда Елизаров дожевывал последний бутерброд. И снова, как это ни странно, из области кинематографа. Владиславу вспомнился старый фильм, который он смотрел лет десять, если не больше, назад и название которого успел запомнить. Но в нем герой как раз тоже решал вопрос с оружием и решил его нехитрым, но весьма эффективным способом...

Поднявшись с табурета, Елизаров вернулся в гостиную и выгреб из висящих на спинке кресла брюк всю мелочь. Взвесил ее на руке. Этого ему показалось недостаточно, и Елизаров проследовал в прихожую. Той же самой экзекуции подверглись карманы плаща и всех его курток, какие только нашлись на вешалке. Для гарантии Владислав выгреб всю мелочь и из карманов жены. Снял с левой ноги носок и высыпал в него собранный «капитал». Завязал узлом. Усмехнулся. Да, именно таким оружием и пользовался герой в том фильме. Просто, надежно и эффективно. Главное – знать, в какую точку ударить, а Елизаров имел об этом кое-какое приблизительное представление.

Спрятав носок с монетами в карман плаща, Владислав снял второй с правой ноги и выбросил его в мусорное ведро. Одним вопросом стало меньше. Теперь следовало решить, где и когда. К делу он намеревался подойти детально и продуманно. Осечки быть не должно. В противном случае он и себя погубит, и не успеет осуществить задуманного. Непростительная оплошность для оборотной стороны правосудия.

Елизаров подошел к стоящему у окна компьютеру и включил его. Тяжело опустился в кресло. Экран осветился и озарил его бледное осунувшееся лицо. Елизаров щелкнул левой кнопкой «мыши», активируя подключение к Интернету.

* * *

– Ну, чего ты теперь уставился в телевизор? – недовольно проворчал Кулемин, постучав указательным пальцем по горлышку пол-литровой бутылки. – Я думал, мы собирались выпить. Отметить, так сказать, начало новой вольной жизни, тем более что водочка у нас классная – «Русский Размер». Сколько ее пью – ни разу не пожалел. Чистая, мягкая – и никакого похмелья. Так что давай выпьем. Ты без работы, я без работы. Ты без семьи, я без семьи. Абсолютное раздолье. Гуляй – не хочу. Есть предложения, старик?

Лерайский никак не отреагировал на пылкую речь своего недавнего коллеги. Он действительно пришел в гости к Кулемину для того, чтобы выпить и таким образом сбросить напряжение. Но новости занимали его еще больше. А в этот момент как раз транслировался очередной выпуск. Лерайский с особо пристальным вниманием отслеживал каждое сообщение, в надежде на то, что кто-нибудь что-нибудь скажет еще про ту самую чертову катастрофу. Но этого так и не происходило.

– Ее словно и не было, Дэн.

– Кого не было?

Выпуск новостей завершился, и Лерайский выключил телевизор. Вместе со стулом, на котором сидел, он развернулся к стоящему по центру журнальному столику, где хозяин расставил выпивку и закуску. Кулемин к этому моменту уже скрутил пробку с бутылки и аккуратно разлил водку в миниатюрные пузатые рюмочки. Лерайский потянулся к той, которая оказалась ближе к нему.

– Я говорю про катастрофу, Дэн, – пояснил он, зачем-то пригнувшись к водке. – О ней не говорят ни слова. Я смотрю новости уже не первый день.

– Далась тебе эта катастрофа, – Кулемин в отличие от приятеля был настроен совсем на иной лад. Ему хотелось тупо нажраться и забыться. А может, и отчудить что-нибудь этакое. – Забудь о ней. Что было, то было. Для нас это уже дело прошлое. И скажи спасибо, что мы так легко отделались...

– Вот это и настораживает, – негромко проворчал Лерайский.

– В каком смысле?

Ответ последовал не сразу. Лерайский, не чокаясь, отправил в рот рюмку водки, и Кулемин незамедлительно последовал его примеру. Некоторое время они сидели молча, тупо глядя в одну точку. Лерайский взял с плоской тарелочки четвертинку соленого огурца и захрустел им.

– Смотри сам, Дэн. – Тепло разлилось по организму уже после первой рюмки, и Лерайский почувствовал себя значительно уютнее. Да уж, «Русский Размер» никогда не подводит. Он даже позволил себе вольготно откинуться на спинку стула и вставить в рот сигарету. – По их словам получается, что вся вина за произошедшую катастрофу целиком и полностью на нас с тобой. Хотя... Уже изначально мы знаем, что это было не так. Или не совсем так. Верно?

– Верно, – Кулемин кивнул.

Слушая рассуждения товарища по несчастью, он снова наполнил рюмки и, не дожидаясь Лерайского, залпом опорожнил свою. Мысленно Денис уже прикидывал дальнейшие планы на сегодняшний день. В отличие от Лерайского, сидеть на квартире и пить до захода солнца ему совершенно не улыбалось. Стоящая перед ним бутылка водки – это всего лишь разминка. А дальше надо куда-то подрываться. К друзьям, к знакомым... Все равно куда. Или лучше всего по бабам. У Кулемина имелась пара надежных вариантов на этот счет. Там, где ему всегда будут рады и никогда не откажут. Он иронично называл их «службой 01».

– Там был военный самолет, – не унимался тем временем Лерайский, выпуская дым через ноздри. – Ты его видел, и я его видел. Был диспетчер базы ВВС, голос которого ты слышал, а я, к сожалению, нет... Но это не важно. О самолете даже говорили в новостях. Первое время. А потом что? Ничего! – Владислав сам спрашивал и сам отвечал, не находя отклика в лице собеседника. – Нас уволили, и дело закрыли. А как же жертвы? Их родственники? Там были дети, Дэн.

– Я помню, – Кулемин скривился. – Ты пить будешь? Или как?

– Буду.

Лерайский взял свою рюмку, опять зачем-то понюхал ее содержимое, а затем выпил. Поморщился. Под глазами Владислава появились красноватые пятна – верный признак алкоголизма. Он шмыгнул носом и потянулся за долькой огурца. Прикуренную сигарету Лерайский держал в левой руке.

– Короче, дело нечисто, – резюмировал он после продолжительной паузы. – Ты же это понимаешь?..

– Да забей! – Кулемин махнул рукой. – У тебя другие темы для разговора есть?

Он снова разлил водку по рюмкам и призывно поднял свою. Мужчины опять выпили. Кулемин поднялся и продефилировал в соседнюю комнату. Отсутствовал он минут пять, а когда вернулся, в руках у Дениса красовалась небольшая записная книжечка ярко-бордового цвета. Он сел на свое прежнее место и, закинув ногу на ногу, принялся методично перелистывать грязные замусоленные странички с загнутыми краями. «Служба 01» Тамара и Ирина – дело хорошее, но Кулемин решил придержать их напоследок. Для начала можно пошерстить старых знакомых и, если ничего не обломится, вернуться к этим двум дурам.

– Чего ты ищешь? – Лерайский загасил сигарету в пепельнице и слегка подался вперед.

– Телок, – Кулемин сместился с буквы «к» на букву «л», и палец его медленно пополз вниз по страничке. Ничего стоящего он пока не находил. Были либо те, с кем он расстался не на самой мажорной ноте, либо подруги подруг, которые, как знал Денис, с ним и по телефону-то общаться не станут, не то что при личной встрече. И зачем он хранит в записной весь этот мусор? – Рванешь со мной по телкам? Чудно время проведем. Есть отличные варианты. Верняковые! Или у тебя свои?

Лерайский с мрачным выражением на лице пожевал нижнюю губу, затем с вождением покосился на ополовиненную бутылку водки и негромко изрек:

– Нет, своих у меня нет, – в его голосе промелькнула то ли грусть, то ли досада. – Откуда, Дэн? Я – женатый человек. Или, вернее, был им не так давно.

– Не так давно? – Кулемин оторвался от записной книжки и презрительно усмехнулся. – Ты развелся почти год назад, Влад. Или я что-то путаю? Как ее звали? Лариса?

Лерайский кивнул.

– Ты говорил, что она уже успела вторично выйти замуж.

Снова кивок.

– Ну, а ты что же? В монахи записался?

– Да никуда я не записался, – огрызнулся Лерайский. Дотошность приятеля начинала вызывать в нем раздражение. – Просто... Не успел адаптироваться, что ли... И вообще, что за тема такая пошла? Давай лучше бухать! Собирались же, как люди...

Теперь он сам разлил водку, но Кулемин не поддержал его призыва. Денис захлопнул записную книжку с явным осознанием того, что ничего толкового он в ней все равно не найдет, и бросил ее на столик рядом со своей наполненной рюмкой. Его взгляд безотрывно буравил лицо сидящего напротив собеседника.

– Эй, постой-ка! – осмысление приходило к Кулемину постепенно. – Что же это получается, Влад? Выходит, что ты после своей Лариски не был ни с одной женщиной. Да? Я прав?

– Это так важно?

– Черт возьми! Конечно! Еще как важно! – Кулемин вскочил так, что едва не опрокинул столик. Лерайский едва успел подхватить обе рюмки. Все волнение Дениса, смешанное с праведным негодованием, было написано у того на лице. – Мы теперь просто обязаны исправить эту вопиющую несправедливость. Сегодня же! Сейчас!

– Сядь. Чего ты завелся? – охладил пыл товарища Лерайский, и рука его невольно потянулась за новой сигаретой. – Ничего я не собираюсь исправлять. Тем более сегодня. Мне и так отлично живется, Дэн. Мы посидим, выпьем...

– Посидеть и выпить мы можем в любой день. У нас для этого теперь масса свободного времени. А вопрос с тобой надо решать немедленно.

– Нет, не надо.

– Ты сам не знаешь, о чем говоришь. – Кулемин взял мобильный телефон и принялся набирать номер, который он отлично помнил наизусть. – Есть две потрясающие подруги. Пальчики оближешь. Сейчас мухой договоримся с ними и...

Лерайский попытался было в очередной раз выразить протест, но Кулемин категорично выставил перед собой ладонь с растопыренными пальцами, а затем показал на телефон. В следующую секунду он уже общался с невидимой Лерайскому собеседницей.

– Иришка! Здравствуй, солнце мое. Еще не забыла? Что?.. Ну, польщен, польщен, – Кулемин буквально расплылся в улыбке, услышав что-то приятное для себя. – А как насчет того, чтобы встретиться? Сегодня, конечно. А ты занята, что ли?.. Ну, а какие проблемы тогда? Отлично... Ну, не знаю. Придумаем что-нибудь по ходу. Что нам, впервой, что ли?.. Слушай, Ирунчик. Только я как бы не один. Да... Хотелось бы. Парень что надо. Свой в доску. Ты бы звякнула сама Тамарке, и вчетвером бы застолбились. Да, без проблем... Мне всегда нравился твой деловой подход. Заметано! Я перезвоню через десять минут. Да... До связи.

Кулемин отключил телефон и заговорщицки подмигнул Лерайскому.

– Порядок, – гордо сообщил он, словно только что оформил некую многомиллионную сделку. – Договорился. Можешь меня не благодарить. Во всяком случае, пока. Все скажешь потом... А теперь можно и выпить.

Он потер руки, проворно подхватил со стола рюмку и опрокинул ее в рот. Лерайский выпил более степенно и вместо закуски глубоко затянулся сигаретой. В принципе, идея Дениса казалась ему недурной. Общество хорошеньких девочек будет совсем нелишним. Особенно с учетом того, что у Лерайского действительно давно уже ни с кем не было физической близости. До сегодняшнего дня он вроде и не обращал на это существенного внимания, но раз подворачивается удобный случай, к чему отказываться?.. Глупо. Однако, скорее для того, чтобы поддержать марку, он все же сказал:

– А может, не стоит, Дэн?

– Не смешно, – Кулемин досадливо отмахнулся. – Я уже договорился. Перезвоним через десять минут и уточним место встречи. Я же тебе говорю, девчонки – пальчики оближешь...

– Место встречи? – переспросил Лерайский. – А они что – разве не сюда приедут?

– С ума сошел? – Кулемин покрутил пальцем у виска. – В этот гадюшник? Тем более Ирка сказала, что они хотят в баню. Ну, сауна там, шашлычок, спиртное. Сам понимаешь... У тебя деньги-то есть?

– Немного есть.

– Немного – это хорошо. Немного – это лучше, чем ничего. Прорвемся, Влад!

Перспектива провести время в обществе представительниц женского пола заметно прибавила Денису хорошего настроения. Увольнение и все вытекающие отсюда последствия теперь не казались такой уж большой проблемой. О разбившемся самолете и погибших в нем детях Кулемин и подавно не думал. По его твердому убеждению, он теперь вступал на совсем иной жизненный путь. С новыми открывающимися горизонтами. Продолжая пьяно улыбаться, он слил из бутылки остатки водки все в те же пузатые рюмки и подвинул одну из них к Лерайскому.

– За новую жизнь, Влад! – предложил он незамысловатый тост.

– За будущее, – скупо откликнулся тот.

Они выпили и некоторое время после этого сидели молча, каждый размышляя о своем. Минут через семь мобильник Кулемина ожил. Денис посмотрел на дисплей, и его улыбка стала еще шире.

– Это Ирка, – сказал он, обращаясь к Лерайскому. – Вот видишь, мы еще и на звонке сэкономили. Держи хвост пистолетом, Влад, и все будет пучком.

Он нажал кнопку соединения и поднес аппарат к уху.

– Да, Ирунчик! Как успехи наших переговоров? Тамарка дала добро?.. Супер! Тогда давай так. Через полчаса на углу Симбирцева и Калининской... Обижаешь! Будем минута в минуту.

* * *

Егор остановил машину у здания университета, оценил самого себя в зеркале заднего вида, быстрым привычным движением руки поправил прическу и выбрался из салона. Поставил автомобиль на сигнализацию. Легкий ветерок проникал за ворот его джинсовой куртки, но вместо того, чтобы застегнуться, Егор расстегнул еще две пуговицы, выставляя напоказ приобретенную только вчера модную шелковую рубашку стального оттенка.

С момента последней встречи с Валентиной, закончившейся ссорой, прошло почти две недели, и за это время Егор ни разу не позвонил девушке, не говоря уже о том, чтобы заехать к ней и поговорить. По его мнению, Вале нужно было некоторое время на то, чтобы успокоиться и остыть. Как в отношении него, так и в отношении недавней гибели ее брата. И вот только сегодня, по его мнению, наступил благоприятный момент для свидания. Егор нисколько не нервничал. Он был абсолютно уверен в себе и своих действиях. Куда больше его беспокоила вчерашняя размолвка с Катей. Конечно, и она никуда не денется, хотя бы учитывая тот факт, что деваться ей попросту некуда, но Егор прекрасно знал, какие теперь вокруг этого пойдут разговоры. Все начнут лезть с советами, пилить и так далее. Выяснения отношений с общими знакомыми хотелось меньше всего.

Прикурив сигарету и откинув ненужные сейчас мысли о Кате, Егор бодрым шагом направился к центральному входу в университет.

На крыльце курили трое девочек, и Егор не удержался от того, чтобы мимоходом не подмигнуть им. Одна из них ответила молодому человеку тем же. Две другие засмеялись. В любом другом случае Егор непременно остановился бы и завязал легкое знакомство со студентками, но сейчас решил понапрасну не разбазаривать свой природный шарм. Сегодня все силы следовало бросить на один-единственный объект. На Валентину.

Поднявшись на второй этаж и остановившись возле расписания, Егор легко нашел нужную ему группу. У Валентины была физкультура. Где располагался спортзал, Егор тоже отлично знал, учитывая тот факт, что в этом университете ему приходилось бывать уже не единожды.

– Старцев! Привет! – раздалось за спиной Егора, когда он уже двинулся было от стенда с расписанием в правое ответвление общего коридора. – Что ты мимо, Старцев? Даже не поздороваяешься?

Егор обернулся. Перед ним стояла невысокая худенькая девушка лет восемнадцати с раскосыми на восточный манер глазами и пухлыми чувственными губками. Ее лицо показалось Егору отдаленно знакомым, но где и когда он мог видеть эту особу, вспомнить определенно он не мог. Мало, что ли, их таких ходит по городу?

– Привет, – сухо ответил он.

– Да ты меня совсем не помнишь, Старцев. Я угадала? – В голосе девушки не было обиды. Скорее кокетство.

– Ну, почему же? – Егор улыбнулся. – Отлично помню. Как поживаешь, солнышко?

Девушка рассмеялась.

– А по имени можешь обратиться?

– С этим сложнее, – он сделал несколько шагов по направлению к ней и остановился в непосредственной близости. – Я с пяти лет на учете в первой городской. Плохая память на имена. Но только на них. Забыл, как эта болезнь называется, но, если хочешь, можно прямо сейчас позвонить моему лечащему врачу...

– Не надо, – она легонько ударила его раскрытой ладонью в грудь. – Я – Инга. Мы познакомились на дне рождения у Кристины Вильновой. Теперь вспомнил? Или все-таки придется звонить твоему врачу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.